

ДЗВОНАРЬ

Оце я теперъ дзвонарь старій и вбóгий; а колись не такимъ ходивъ. Та що згадувати? гадкою не зарáдися. Та й жити не скільки: на мою домовину давно вже десь віросло дерево, та й переросло; а на ва́ші домовини, мо́же, ще й рости не почина́ло. Що́ було моє, те пройшло и б́иллямъ поросло: а коли́ часомъ згада́ється, то й не роспізна́єшъ, чи то самъ живъ и ба́чивъ, чи малóму ма́ти вь ка́зці ка́зала... Такъ ні, — не ка́зка.

А бу́ла на́ша ма́ти дя́конка, д́уже б́ідна, и своїми рука́ми заробля́ла хлі́бъ на насъ на трёхъ — на ме́не, на сестру́ Га́лю, та на До́ку. Зна́ли ми т́ільки панотце́ву мо́гилку, а само́го не зазна́ли. Бу́ло йде́мо у неде́лю до це́ркви, то ма́ти й пока́зує на́мъ на яку́сь мо́гилку, и ка́же бу́ло: »Ото́ підъ бі́лимъ хресто́мъ вашъ ба́тько ле́жить,« — то ми й зна́ли.

»А який, ма́мо, вінъ бу́въ?« бу́ло пита́ємо.

— Вінъ бу́въ до́брый чоло́вікъ, и лю́де ё́го поважа́ли, — бу́ло ска́же.

»А вь́ чі́мъ ё́го похováли, ма́мо?

— На́ що ва́мъ се зна́ть, ді́ти? Похováли ё́го у чо́рній рі́зі и ка́діло положи́ли; а я ё́му во́лосся розче́сала до са́михъ плі́чъ.

Бу́ло ма́ти жу́ритця, що́ нічо́го на́мъ не зоста́вивъ пан-оте́ць у спáдку.

А зоста́лась пі́сля ё́го ха́та та но́ві ворóта — не в́співъ и дво́ра ти́номъ обнесі́ти. И господа́рство не-я́ке бу́ло: нічо́го не при́дбано; то всё́го у лю́дєй позича́ли. А я т́ими часáми пі́дроста́в: тре́ба бу́ло пі́сьма в́чити — а на які́ достáтки? Салда́тъ Позіха́й-

ликъ, що хлѣпцівъ вчивъ, грѣшми не бравъ, — та якá ёго й письмѣнність була? Граматикѣ усякі по верхахъ читавъ та часлѡвець, а изъ псалтиря вмівъ одъ *Блаженъ мужъ* та до *Вскію шаташася*. Та бувъ добрий чоловікъ — и за тѣ дякувати Господа.

Отѡ було й посадовить насъ коло столá на ослоні, а иншихъ на лаві. Поберемо указкі въ рѣки — а указкі робивъ самъ, такі мерѣжені та довгі, и за кожную бравъ по гáрцю пшона, абѡ по кѣрці, — отѡ й дивитця, чи такъ указкі держимѡ. Коли який не такъ ѡзье, то було й гукне:

»Иване! такъ бабѣ кѡстуръ дѣржуть...«

Абѡ до дрѹгого:

»Роззяво! такъ паннчѣ видѣлкою курчятъ за обѣдомъ штрикають... Озьми звичáйненъко, та проказуй свѣй стихъ.«

А самъ сѣде на порѡзі, абѡ на дзиглику та чѡботи шие. А бѣля ёго пѹжка римінна.

»А ну, дяконѣнъко, прокажі-лишенъ свѣй стихъ.«

Се, бачъ, на мене.

То було поблагословѣсся хрестѡмъ святѣмъ и проказуешъ, ажъ поки не дойдешъ до гáспидьского *хвертъ-ирці-кру, херъ-ирці-кру*, — такъ тобѣ пѹга и врѡдитця передъ очѣма, и язѣкъ одеревеніе, — тѣльки указка трѣситця.

А любивъ менѣ Позіхáйликъ — цáрство ёму небѣсне, — любивъ якъ рідного, а все було лѣсне пѹжкою по-за плѣчми, а въ иншого було й колѡдкою шпурне.

»Оттакѡі! Чогѡ довбѣшъ, вражий сѣну, мовъ чумáкъ галѹшки? Я тебѣ...«

Скѣльки не довбáвсь, а такъ на *словотѣмлі* й зачипѣвся. Тѣльки було мáтерѣ лѣхо: усѣ плáче та мѡлитця.

Та й самъ Позіхáйликъ не дѹже неволѣвъ насъ. Повчимѡсь було трѡхи, то вінъ и веде насъ до себѣ на горѡдъ — молодѣй бутъ поливати, — и поливáемо: а пѡтімъ у лѣсъ до Старосѣлища — рѣби ловѣти, абѡ зъ вѡлокомъ.

Самъ було вѣріже намъ ѹдлища довгі та гнучкі, изъ брус-лини; насѹче кожному бѣлої волосні, щѡбъ рѣба въ водѣ ѹдочку не бáчила та не жахáлась: нарѡбе гáрнихъ пѡплавцівъ, та не зъ окучі, а зъ якѡгосъ дѣрева, и посадовить насъ — когѡ мѣжъ осо-кѡю, де линѣ лѡвлятця, комѹ мѣжъ латáття звелѣтъ закидáти, де окуні на сѡнці грáють; инший краснопѣрокъ потягáе; той себе-

лівъ та пліточокъ; — а самъ сидить міжъ очеретами, удлище зъ дѣлаго дубка, поплавець ажъ на середъ озера, — сидить та погукує:

»Пѣтрику! не ворухись: у тебе лускирь клює, — тягнй!..«

И витягне лускиря.

»А! чортівъ Гриць! яко́го окуня впустивъ... будешъ тепѣрь у мене до самісінького Маковія *Помилуй мя, Боже*, вчнь!..«

А самъ ажъ очеретъ ламає! Тільки не довго сѣрдивсь...

Оце якъ наловимо чимало, та въ казанокъ, — така добра юшка, що Господи! хто провинова́тисся, тому хлѣбъ зъ водою, а намъ и юшка и риба.

»Іжте, гаспидські діти, на здоровья, та кістками не подавітця. А ти, Грицьку, знай!..«

— Та тожъ ви мого окуня істѣ, дядьку.

»То-то — твого!..«

Та білшъ ужѣ и не гніваецця: такий добрий бувъ!

Яко́сь разъ сидимо ми надъ озеромъ, та на поплавці поглядаємо. А день бувъ тихий та теплий: хочъ би тобі листъ на дереві залепетавъ, и птиця не щѣбече — тихо. Тільки и чути, якъ риба проти сонця викинетця, плесне на сонці, та ящірки сухимъ листямъ шелестять поміжъ травою, або чміль загудѣ, и стїхне.

Коли слїхаємо, щось по лісу гукѣє, да такъ далѣко, що и гѣлость лѣдві доносить, а далі все бѣйжче та бѣйжче. »А, дядьку, гу!.. а, дядьку, гу!« тільки и чути.

Иниі зъ насъ хотіли відгукнутись на гѣлость, такъ Позіхайликъ не звелівъ.

»Цїтьте«, каже, »гаспидські!.. Катъ єго зна, що воно такѣ е... Може що недѣбре, то глядїть, колибъ не нагукали.«

Коли вийшло зъ лісу на поляну. Дивимось — ажъ то нашъ підтитарий.

»Помагайбі« каже, »Степѣновичу!«

— Спасибі,— каже.— Та не гомоні, дядьку: усю рибу поколошкавъ.

»Чи не зъ вами тутъ дяконча?«

— Зъ нами... А, бісївъ окунь!..

Менѣ мовъ уколѣло.

»А на що вамъ єго?«

— Благочинний — каже — наїхавъ, то дяконѣнка, бачъ, тѣе, вѣлено привести. Вони самі знають — на що.

»Оттакі! се, бачъ, и мені треба въ слободу йти.«

— То й йдѣть, коли тѣе...

Отó й пішли.

Я йду, мовъ опечений, а малé сѣрце такъ и стукотѣть, — Мати Бóжа, якъ бóязко,

»Се бѣ то тебѣ, хлопче, у бурсу, — писарь казавъ, — коли не тѣе.«

Вонó жѣ такъ и булó. Благочинний сказавъ панімáтці, що бóуде за мѣне ходáтайствувати.

И походáтайствувавъ.

Рóківъ у два, либóнь, у три, якъ у самого благочинного підросли діти, що вже треба булó й їх писмá вчѣти, — и повезли насъ у гóродъ. Прощаючись, мати дóже плакала та наказувала, щобъ добрий бувъ та слухáнный, Бóгу бѣ молився рáно й вѣчѣрь, и матѣрь не забувávъ. И сѣстри плакали. Заплакавъ и я трóхи.

Приїхали у гóродъ на четвѣртий день. Благочинний водѣвъ своїхъ дѣтѣй по начáлству, а я дóма сидѣвъ. Дáлі й менé повелѣи до рѣктора.

»Якъ тебѣ зову́ть?« питає.

— Василькóмъ, — кажú.

»Васи́лій... въ пáм'ять отця́ на́шого Васи́лія Вели́кого, Григóрия Богослóва... та́къ?

Я мовчú, бо тоді ще не знавъ, що не Васи́лія Вели́кого, а Васи́лія Амасі́йского.

»А прозивáють?«

Я мовчú.

»Який негові́ркий!«, ка́же, »мовчлѣвий — *taciturnus*... Такъ будѣшъ же ти — *Тацитúрновъ*.«

И ставъ я Василькóмъ Тацитúрновимъ — ажъ и дóсі. Тільки довго не втямкú мені булó се прѣзвище: оцѣ булó кликну́ть у шко́лі: Петръ Лякримѣнтовъ, Васи́лій Тацитúрновъ, — то я мовъ и не чýю, бо усѣ забувávъ собі на лихо, що я Тацитúрновъ. Такѣ чуднѣ слóво, бодáй є́го!

И почали менé вчѣти, та не такъ, якъ Позіхáйликъ вчивъ: не прóзьбою, ні грóзьбою, а червóною лóзою та гнучкóю вербóю. И бѣли жѣ Тацитúрнова, Мати Бóжа, якъ бѣли! Та малóму усѣ не на лихо: молодѣ тіло — швѣдко гóймось; дѣтячі слѣзи — швѣд-

ко висихали; тільки на серці у дитини недобре накупало. Недобре насіння — не добромъ и зиходило. Та не одного менé бито...

А я тими часами підоста́в, та такъ же хутко! Вже сімнадцятий рікъ, и я не дитина, и въ мене думки та гадки: одна думка на добре, дру́га на погáne. Та нечистий нагадавъ намъ у бурсі граж-данських книжокъ читати, про мирські діла та про гріхи людські. А на такі книжки запрётъ бувъ одъ ректора: »Лучче«, ка́же, »гріхъ содомський, ніжъ се диявольське наваждєннє: гріхъ по плоти — плоть сквернить, а писаннє сатанино́ душу погубляєть.«

Вонó жъ и мене на-віки згубило.

Якось разъ сидимó ми собі бурсакі та читаемо сі гріховні псалми (я вже й не згадаю, якá то кни́жка була), сидимó та читаемо, інші сміютьця, дру́гі мовчять та слухають, — мене́ нечистий и наустивъ.

»Господи! якъ би я«, кажу́, »вмівъ такі вірші складати, я бъ и въ протопопи не пішовъ...«

— И такъ не підешъ, — озва́вся хтось тихенько за мною.

Зиркъ, — ажъ отецъ ректоръ стоить середъ ка́мери, косá росплетена, довга — ажъ нижче плічъ, — а самъ білий, якъ крейда. Такъ усі й помертвіли.

»Сатанó, сатанó... сатанó!«

Я вставъ на ноги, а ноги не держуть... усé заходило передъ очіма, и мовъ тёмно въ ка́мері ста́ло...

»Сатанó, сатанó, сатанó!..«

Тільки я й бачивъ бурсу и вона́ мене́ бачила.

Мене́ ви́гнали... Господи, якъ-то вже пла́кавъ я передъ ректоромъ, щобъ не губивъ мене́, ма́тірь мою не вбивавъ, — не поми́лувавъ. Ви́гнали, якъ соба́ку.

Вийшовъ я зъ бурси — куди йти? де́ дітись? А вже більшъ ні до ко́го, якъ до ма́тері. И пішовъ. А бу́ло се у Петрівку, са́ме тоді, якъ лю́де траву́ косять. Лі́то придалось добре, те́пле — ве́село йти. И мені бу́ло ве́село, бо ма́лому лі́хо—півъ-лі́ха, а надъ те ще й до́дому йшовъ; а до́ма я не бувъ сь то́го ча́су, якъ мене́ у бурсу одвезли. До́вго озира́всь я на го́родъ, ажъ по́ки не покривсь го́рою: сь то́го ча́су я й не бачивъ го́рода, та більшъ вже и нічо́го не бачивъ, окрімъ сво́єї слободи́ та дзвіни́ці... Ото́ жъ я и дзвона́ремъ ставъ.

Чи скільки я тамъ ишовъ — не згадаю, а на шóстий, чи на

сѣмий день, зъ-за горі, и на́ша цѣрква ви́глянула. Тутъ я заплакавъ, та й самъ не знаю, якими слізьми. Господи!— йду мімо Старосѣлища, де съ Позіха́йликомъ ко́лись ри́бу лови́ли, — нема́ Позіха́йлика міжъ очерета́ми, не стриміть зъ-за ку́щівъ є́го ўдли́ще до́вге, чо́рно́клино́ве, и хло́пцівъ нема́е. А ри́ба, якъ и то́ді, ви́грає на со́нці, и зо́зю́ля ку́е надъ о́зеромъ... Сѣ́рце въ гру́дяхъ ко́лотитця, якъ не ви́скоче.

Оту́ть я о́куня пійма́въ... И о́гнище бу́цимъ тілько́ вчо́ра за́лите: де́сь неда́вно ри́бу вари́ли... и муравьи́ня ці́ле, куди́ ми бу́ло червья́ківъ ки́дали та крича́ли:

Муравьи́, муравьи́!

Онъ Тата́ри йду́ть,

Ва́шихъ діте́й порі́жуть,

И ва́ші поду́шки заберу́ть!...

А отъ и о́зеро, та́ке жъ ті́хе, якъ то́ді, коли́ ще я ма́лімъ бу́въ...

Про́йшовъ и Старосѣли́ще.

Ото́ у насъ ха́та то́питця, и димъ ви́дно; а то верба́ зеле́ние у горо́ді въ Позіха́йлика, на́дъ крини́цею... Мо́же вони́ молоді́й бу́ть полива́ють...

Ко́ли дивлю́сь, иду́ть мені́ на-зу́стрічъ изъ слобо́ді дві́ дівчи́нки, височе́нькі та га́рні, якъ кві́точкі,— порівня́лись зо мно́ю та й пригляда́ютьця, бу́цимъ пізна́ють мене́. Ставъ, и очя́мъ не йму́ віри...

»Га́лю! До́ко! ви мене́ не пізна́ли?«

— Васи́лечку! бра́тіку!..

Да такъ и пови́сли въ ме́не на ши́ї. Се жъ мо́ї се́стри!

»Васи́лечку! відкі́ля ти?«

— Зъ бу́рси, — кажу́.

»Хиба́ жъ ти вже ви́вчивсь, бра́тіку?« пита́ютьця.

— Ні, До́ко, — кажу́, — не ви́вчивсь. А ма́ти до́ма?

»До́ма«, ка́жуть. »А ми оце́ йшли по ко́зельці́, та тепе́рь вже не піде́мо.«

— Яка́ ти, Га́лю, вели́ка ста́ла, висо́ка! и ти, До́ко...

»И ти, Ва́сю, вели́кий ставъ«, ка́жуть.

Прихо́димо до́дому. Ма́ти стои́ть середъ дво́ра, закри́лась ру́кою відъ со́нця и пригляда́етця.

»Се ти, Васи́лю?« ка́же.

— Я, ма́мо.

Пере́хресті́лась, а на са́мій ли́ця нема́. Я до не́ї, а у са́мо́го ру́ки й но́ги тру́сятця.

»Здоровъ, синку«, каже, »якъ тебѣ Богъ принісъ?«

Я заплакавъ.

Чи не прогнівівъ чимъ Бóга, дитятко?« мати питає: »чогó плачешъ?«

Я мовчú та плачу. Жаль мені її стало и за себе стíдно.

»Гóді, Василю: хибá якé ли́хо спітка́лося? кажи, сiну.

— Менé, кажú, ма́мо, ви́гнали зъ бóрси.

А самъ плачу, плачу...

»Ви́гнали!... А за що?

— Я, ма́мо, кни́жки чита́въ.

»Кни́жки чита́въ? Такъ хибá за се виганя́ють?«

— Виганя́ють, кажú.

»А якъ непра́вда тво́я?«

— Дале́бі, ма́мо, пра́вда.

»Такъ цуръ iй, гáспидськiй бóрсi, прости́ Го́споди! Отъ, на-ви́женi! за що дитiну ви́гнали.«

Увечерi прийшо́въ Позiха́йликъ. Поздоровка́лись. Мовъ ба́тька рiдного я ёго побáчивъ.

»А попомъ скóро бóдешъ?« питає.

— Нi, — ка́жу, — ні́коли не бóду.

»Овва́!—А ну́жъ, ну, роска́зуй, якъ васъ тамъ вчи́ли, хто вамъ указки́ робивъ...«

— Тамъ, дiдечку, — кажú — безъ указо́къ вчи́ть.

»Оттакóі! безъ указо́къ! такъ цуръ же iй, ва́шiй бóрсi, отъ-що!«

А сестра́ Га́ля iй ка́же:

»Тамъ, дiдечку, и чита́ть не ве́лять. Васи́ля за те iй ви́гнали, що вінъ кни́жки чита́въ.«

— Э! шко́да, ка́же. Оце́, я ба́чу, и у васъ у бóрсi такé жъ дiво, якъ у насъ у полкú: и охви́цери ні́чо́го не чита́ють... Такi жъ и попи́ зъ васъ бóдуть!

Съ то́го ча́су я вже ні́гдé не бувъ: такъ у слободi iй зоста́вся. Приста́вили менé, спаси́бі iмъ, до цéркви дзвона́ремъ — и отъ со́рокъ-си́мъ ли́тъ дзвоню́. Дзвони́въ и по ма́тері, якъ уме́рла, дзвони́въ, якъ и Позiха́йликъ вмеръ, и по сестра́хъ дзвони́въ.

А хто по мо́iй гри́шнiй ду́шi задзвони́ть?...

Д. Мордовцевъ.

СИРІТСЬКИЙ ЖАЛЬ.

Охъ и жалю мій, ти мій жалю,
Охъ и жалю мій не помалу!
Упустила долю, упустила щастя,
Да уже й не піймаю.

Пішла у насъ поголоска, що дівчаты у *комнати* будуть набірають. По другихъ хатахъ матірки трюсяця, плачуть; а по мені й нікому, а сама я й байдуже; сироті не вадить: усіюди горе.

Я сама собі — дакъ и не знаю: чогó жахаться, чогó й ні. Ажъ и година та впала; їздить прикащикъ той *сухонерний* по селу (такъ ми ёго все звали, бо вінъ у білому сухонерному сиртуці ходивъ), да й зганяє насъ у двіръ. Дев'ять дівчатъ насъ набрали. Привезли, покинули въ хаті. Ждуть вони, ждуть ті дівчата — не клічуть до *комнатъ*: хочъ би швидчъ клікали, то не такъ би въ голову шибало. Деякі стоять такі бадєрісті, бувалні уже при господахъ да попрошнєчувались, дакъ їхъ и попрогопили, а другі такі понури стоять, якъ вілъ протн ярма. — Дакъ шó жъ, хочъ и менє візьмуть, — каже Люба: — и піду: трєба й панамъ послужить! ищє й тебе бѣ, Галю, або тебе, Прісю, трєба взяти у *комнати*. — Спасібу, кажуть. — А та — якъ деркачъ, та бувалаа Люба: — Спасібу, — каже, — за рибу, а за *раки* — нема й дяки... Авжежъ васъ би двоихъ трєба братъ; изъ *вашого* роду ще ніхтó не бувъ при панамъ. — Инші сміютьця, що не по їхъ бѣде, другі лаютьця, а котрі й плачуть. Люба сичитця: — цить, не плачъ, кўпить мама калачъ, медомъ помаже, тобі покаже — сама ззість. Обізвалась Вівдя: казавъ цїганъ: дми, не дмі — не кѣ Рїздвѣ йде — кѣ Великодню; попалнсь ми, якъ *раки* въ *їтеръ* — не виплутаємся. — Люба перебіла: Мовчїй, глухъ, — менше грїха! — Чогó ви! не журітьця, дівчата, — ударте *ліхомъ* обѣ землю, якъ я, — и пустилась *троїна*, приспівуючи:

Танцюй, коваліхо,
 Бúде тобі ліхо,
 Танцюй—не журись, —
 Матері твоїй бісь.

А Секлэта якъ вихопитця собі: — Нехай, — каже — тиї плачуть,
 що заміжъ идуть, — да протп неї, да въ боки:

Сухé літо було,
 Конопель не було.
 На сорóчку не наприяла —
 Веретинъ не було!
 Веретена були —
 Поламáлися;
 На сорóчку не наприяла —
 Лівовáлася.....

Да зновъ, — и дýху не переведе:

На що мені музики —
 Въ мене свої язики:
 Я заграю, поскачú
 И пікóму не плачú. —

Видя крузь зúби: — Курзú-верзú, Борісихо, дай куті на грéчку...
 Показілися, чи щó? — правда, що въ одного ліхо скáче, а въ дру-
 гого плаче. — А Секлэта зновъ почалá преставлять, якъ отó вона ўже
 бúде у пáнських будінкахъ ходить, изрóду тамъ не бúвши, да й пі-
 шла—дрібъ-дрібъ дрібненько ходить по хаті, да випростаецця та за-
 пúтаецця да й упаде; и якъ у її въ рука́хъ бúде гребінець трястись,
 якъ бúде чесать бáриню. Тутъ инші дівчáта ще більшъ стáли журить-
 ця, ще більшъ сímъ жалю завдалá. А зъ сёго да й до сміху дійшло,
 якъ виступила уже бувáлая Люба преставлять справдешне діло,
 якъ пані рядóчкомъ сидять, и отó вже, щобъ побáчити новобранку,
 воді потрібують, бúцимъ-то питъ схотілось усімъ рáзомъ, якъ во-
 на подалá—одній—та до губъ донеслá, да й поставила стакáнъ; и
 зновъ и дрúга пані: *»и мнѣ, дѣвочка, дай, пожай, луста«*, и трей-
 тя, и усі такъ перебрали: *»а у мене, — каже, — такъ и мути́т-
 ця въ голові: кому́ на плаття настúпишъ—поволочешъ за собою, ко-
 му́ дúже низько, абó високо поднось підіймешъ, а вони—чи пьóть,
 чи ні, — а черезъ стакáнecь, — каже, — дівлятця, и чúю, —
 каже, — якъ шéпчутця: »хорошенька дѣвушка, да ище не натѣр-
 та«... »Бóже мій! — дúмаю: — що жъ то значить: не натѣр-
 та? ище зо мною бúдуть щось робить! да якъ затрúсятця у ме-*

не рúки, якъ покóтитця стакáнтъ зъ водоý, якъ кíнусь я, — кáже, — вь гóлосъ, да зъ хáти, а панí такъ и покотíлись одъ смíху; а вь дрúгíй хáтí старá дівка бáринíна менé перестрíла да за ўхо, да такъ дóбре намъйшкурíла.» Такъ ми реготáлися зъ íí рóсказнíвъ!

— Оцé жь! — кáже Люба, — якъ дóвго не клíчуть! нумъ спать лягáть, абó-щó. — А послí й почалá спíвáть:

Два півники, два півники
Горóхъ молотíли;
Дві кúрочки, дві кúрочки
До мли́на носíли;
Козéль мéле, козéль мéле,
Козá наспíає,
А манéньке козипя́тко
Ковші одбíрає;
Степа́нчико́къ підъ лі́пкою
У дúдочку гра́є,
А лисíця на полі́ці
Очі́цями лупъ, лупъ,
Пзійшо́вши на сто́личо́къ,
Ніже́нька́ми тупъ, тупъ.
А сорóки білобóкі
Пішли́ танцюва́ти,
А воро́ни, старі́ жóни,
Пішли́ до́ганя́ти;
А журавéль, підті́кавши́сь,
Пішовъ́ перейма́ти.

Да підобравши по́ли й пішла́ по хáтí вихи́лятьця, а за не́ю й дрúга кáверзниця — Секлéта. Де й слéзи поді́лись — усі́ вь смíху! ажъ вінъ, той сухóперний, сусу́ль у хáту, — ми такъ и замíли. »Идіть, — кáже, — до гóрниць.« Ми одна́ на́дну: иді́ ти, иді́ ти. Не звáжemoсь нія́къ иті́. Сухóперний нась ме́жі плéчі, пéрша розі́гнáлась — якъ спотикне́тця, и дрúга за не́ю сторчъ. Ми вь смíхъ, а сухóперний и собі́. Пóки дойшла́ до гóрниць, де той и смíхъ подівся... на́че руко́ю зня́ло. Дúмка за дúмкою кúпитця; казавъ́ би сво́ю дúмку — такъ и мóви не́ма́. Стоі́мо у дівóчій, — не йде́ на́ша бáриня. Чúемо́ га́лась та́кий! Панí бала́кають, чашка́ми бряжчáть, охъ, лі́шечко! да яко́го жь і́хъ багáто! Дівча́та ка́жуть, »щó, якъ тудí поклі́чуть? — Сту́лились ми одна́ до́дніе́і́ блі́зче. Не йде́ ніхто́. Дівча́та ко́мнатні́ смію́тця надъ на́ми, — у́же позабува́ли, якъ са́мі ко́лісь трусі́лись, — а у нась се́рце́ якъ

птицею не вілине. Думаємо: десь вони не матеріні діти, десь вони безбатьченки — у бур'яні віросли, — уже й мені дошкунило, и мені сирітської обідранної своєї волі, да й то чогось стало жаль. А вони стоять такі веселі, у *платтях* уже. Аж чуюмо, — бари́ня одкликаєтця: — Палаге́я! — Тутъ плаття́ниці почали́ штовхатця: »тебе́ кличуть. — Да ні, тебе́«. Бари́ня вь-дру́ге дужче́нко: — Палаге́я! — Палаге́я такъ и покоті́лась у *комнати*, якъ те́ перекоті́-по́ле, и вітро́мъ не дожене́ншъ. Відті́ль несе́ попередь себе́ *поднось* пзъ чашка́ми, зъ стака́нами. Го́споди, — думаю, — якъ вона́ ёго́ й не впу́ститъ! я бъ такъ и бехнула́ обь помі́сть, — якъ у її́ ру́ки не тру́сятця? Скро́ро вслі́дъ вийшла и па́ні. За нею́ й панъ; постоя́в трóшки и пішо́в, а па́ні, поздоровка́вшись, за́разъ одібра́ла міжъ на́ми тихъ, що́ уже́ бу́ли ко́лісь вь *комнатахъ* и одді́лила у-бі́къ. »Васъ не тре́ба,« ка́же; »ви́ уже́ бу́ли у ко́мнатахъ.« Насъ́ сі́мъ зоста́лось. Па́ні й пита́е у кра́йні́: »ти́ пі́дешъ до ме́не вь услу́ги?« — У ме́не ри́дъ вели́кий, жа́ль ки́дять. — Па́ні до дру́гої: »а ти́ пі́дешъ?« — Ма́тері жа́ль. До тре́тє́ї: »А ти?« — Ма́ти старá, незду́жає: ні́кому пості́ль посла́ть. — »А ти́ (усе́ пі́дъ ря́дъ пита́ють)?« — Ма́ти старá: ні́кому за дробино́ю бу́де гледі́ть (а її́ ма́ти, ба́чте, пtiшниця). Па́ні усмі́хну́лась. «А ти?« у ме́не пита́ють. Я мовчу́, — стою́, ка́жуть, блі́да така́, якъ ху́стка. Мені́, дума́ю, ні́кого поки́дять, ні́кому пості́лоньки сла́ть. А па́ні кивну́ла голово́ю: »А ти? — до дру́гої (усе́ черго́ю йду́ть). У ме́не ба́тько й ма́ти незду́жають. — Ді́вча́та тií, що́ одді́лені — Фе́до́ра й Лю́ба — такъ и заго́моніли: »Незду́жають! Оце́ лю́де! ні́хто́ не хо́че послужі́ть господа́мъ: ажé жъ ми служи́ли, — да́къ хто́ жъ служи́тиме!?« Па́ні й ка́же: »да́къ зна́єте — що́? помі́рку́йте ви са́мі́ міжъ собо́ю, ді́вча́та, и рі́шіть, ко́го бра́ть пзъ васъ: я то́го́ й ві́змю.« — И вийшла. Тутъ и почали́ ді́вча́та на насъ: »чому́ то́бі, абó то́бі, не йти́! Да́ ще́́ якъ до і́хъ ба́риня: якъ *имъ* за́вго́дно, якъ *і́хъ* мило́сть (щобъ васъ́ зви́ръ иззі́в!); ще́ — са́мі́ зъ себе́ ви́би́ра́йте!« Такъ и сі́чутця до насъ, якъ чма́ра та. А ми стоі́мо мовчки́ и ні́чимъ не порі́шили. Мовчи́мо, якъ сті́на, — ажъ одна́ — охъ! — а Секле́та: — да́ не вдво́хъ! — Пи́но́в почали́ ми у мовча́на гра́ть, жу́римось. И зъ дру́гого кінця́ котра́сь: охъ, охъ! Секле́та зновъ́: — не люби́ двохъ... —

Па́ні до́вге́нько нема́. А Лю́бка: »зна́єте,« ка́же, »що́, ді́вча́та: бу́демо гуля́ть у *ку́ми*, у *кота́* и *хазя́йки*«. — А́ть, чортъ зна́е що́, —

кажемо,—вдумала; туть плакати хочетця, а вона лізе. »Отъ, каже, дурні, туть-то й розважати себе!—Ажъ туть чуємо, шамъ-шамъ плаття,—иде пані. Ми въ-ростичъ. »А що ви, дівчата, порішили діло?« питає пані. Мовчимо. — »Ужé жъ когось треба братъ. Я бъ сама вибрала, та не хочу васъ обіжати. Ви знаєте лүчче 'дъ мене и достатки всякого, и душею проти свого брата не покривите. А я и нехотя зроблю не гараздъ.«

Туть изновъ Люба и товаришка її, Оедора, обізв'ались:—отій би йти, отій: у її мати здужає,—ще й се літо на живів ходила.... Да ти жъ заміжъ підешъ,—такъ покинешъ свою матіръ,—докладають:—и невістка у васъ молодá; торікъ весілля гуляли.... А у тієї и у тієї батько зовсімъ здужає; а та зъ родомъ носитця, якъ зъ писаною торбою: ёго усюди зъ собою не заберешъ. — Пані й каже: »Да годі, не перебивайте мені. Ну, дівчата, не погнівайтесь же теперъ: я сама собі виберу, коли самі не хотіли вибирати. Пані сіла на стільці и почала крайню розпитувати: чи одна дочка у матері, скільки у її братівъ, чи въ дворі, чи дома живуть; сестри — чи заужомъ, чи въ дівкахъ, браті — чи жонаті, чи парубкуютъ и чи зъ матірью вкупі живуть, — які маєтки у кого, и скільки комү годъ, и якимъ ремесломъ орудує, и такъ усяку попитають и оділять. Послі, помовчавши, подумали, да изъ середини й вибрали — менé, сироту, и ту другу дівчину, що у їх невістка молодá, торікъ брата, и дочка ще друга é заужомъ. Люде казали послі: — добре пані розсудили, — é на кого матір кинуть; а тій равнó притулку нема: всяке її смікало, якъ горохъ при дорозі. — Двохъ насъ и zostавили. Тимъ усімъ пані виняла зъ гаманця грóшей и намъ обомъ дала окроме. Стъ того часу я й zostалась у *комнатахъ* до вісімнадцятого году.

Змálку тільки свого життя й зазнаю, що все у кутку сиділа: хто було захоче, той мене и одглушитъ. Мати вмерла, — я по сёмому году zostалась, а батько вмеръ — ще раній того. Батько який бувъ роботящий! и день и нічъ усé було робити: хто,-хто вставъ рано, а Іванъ ужé вставъ, пісень співáє, а рубанокъ тільки дж-ж-ж, дж-ж-ж, — а стружки якъ метелі здіймаютьця, а вінъ и дүху не переведе, — сімъ и чахотку собі, кажуть, наживъ. Ще оцé я зазнаю — якъ я чимсь собі рүку урізала, дакъ батько лакомъ примочувавъ: теперъ що згляну на

той шрамóкъ, дакъ и ёго згадаю, — царство ёму небёсне! А ма́тирть по тїмъ зга́дую, що, бу́ло, и нась дітєй зь собо́ю забирає, якъ іде вь двірть на робо́ту. И на́ймичка у нась бу́ла хоро́ша, а не повіря́ла на ії. Па́ні дуже люби́ла мого ба́тька: бу́ло що-пра́зника своєї па́ски присла́е розговля́тьця; отъ, разъ присла́-ли, вінъ бувъ недужий, — съ по́лу підня́всь: «розговля́йтесь», ка́же, «діти», а самъ и вмеръ. Ма́ти вь холєру померла; я не-дужа лежа́ла на печі, а тутъ дві ба́бі коло ма́тері сиділи. Одна́ й ка́же: «умєрла Тетя́на!» а я якъ закричу́! а дру́га ка́же: «ні, ні, се вона́ засну́ла.» Усе́ мене́ дурі́ли.

Якъ уме́рла ма́ти, якъ почали́ нась грабова́ть — усе́ неро-бля́щий чортъ побра́въ, усе́ підъ се́бе підгори́въ. Тепе́рь уже́ мо́я хре́щена ма́ти мені́ роска́зувала — що́ добра́ уся́кого у нась бу́ло!.. Більшть у сіхъ забра́въ су́хонерний. Пояси́в оди́нхъ бу́ло двана́дцять, и́ще некра́шенихъ; во́вни, оде́жини скі́льки, по-ло́тєнь: сама́ ма́ти натка́ла; — скі́льки сви́токъ бу́ло, хусто́къ, ря́дєнь — все пови́воліка́ли, — мене́ зоста́вили безъ усе́го. На́шу ха́ту оддали́ кучеро́ві; су́хонерний прислужи́вся, бо зь нимъ пи́ли й гуля́ли. Братъ ма́нєнький, одъ груде́й ще, вмеръ. Дру́га се-стра́, чоти́рохъ годъ, у куче́ра жи́ла: вони́ зь жи́нкою и ії згу́би́ли, и на́шу ха́ту переве́ли... Бу́ло вь іхъ тро́є дітєй... Сестра́ мо́я ма́ла, а вони́ на ії й накі́нули дво́хъ годъ хло́пця гледіть. Разъ, ото́, пішли́ вь го́сті, а вона́ ёго́ й забра́ла на пі́чть да вь чи́мєсь и не догледі́ла. Прийшла́ куче́риха до-до́му підпівши, и якъ вхо́пи́ла мо́ю сестру́ зь пе́чи—такъ вона́ й покоти́лась на пі́ль, а зь по́лу додо́лу: пі́сля се́го вона́ ско́ро и вме́рла... Отъ же Госпо́дь ій, ли́ході́йці, се́го й не зба́чивъ: *хоч не скі́ренъ, та влѣченъ*... Разъ поприхо́дили вони́ зь весі́лля, обо́є укїну́вши. Той лігъ спать, а вона́ ще чо́гось пішла́ у хі́жу; верну́лась, полі́зла на пі́чть, а на печі́ у нась бу́ло віко́нечко зь ква́тирко́ю; вона́ на ё́му поста́вила ка́ганєць, та й засну́ла. Ка́ганєць догори́въ, гно́тикъ спавъ на ві́кно, ві́кно заня́лось, а-де́лі́ ви́хонився о́гонь изъ ква́тирки и пішо́въ, пішо́въ чухра́ть очерє́ть круго́мъ ха́ти! По́вна ха́та дї́му, — сплять вони́! Тутъ ишли́ лю́де, почали́ сту́кати́ця, на-сі́лу добу́дились. Моска́ль убі́гъ вь ха́ту, съ пе́чи ії ста́нївъ, ді-тєй поколо́шкавъ; ма́ле, що́ зь ё́ю на печі́ бу́ло, до полови́ни пу́зиромъ зня́лось; дво́хъ більше́ньких за ру́ки ве́дуть, ажъ од-но́ хло́пця по шосто́му го́ду й ка́же ма́тері: «пості́й, ма́мо! чо-

біто́къ оди́нь забу́всь, — и ви́пурснувъ изъ рукъ; за нимъ, — шукáть, — на́лапали въ димú, чо́біто́къ у руці, а воно́ неживе́. Ото́ во́ля Бо́жа! Се, мо́же, за мою́ сестру́ такъ. По́слі сме́рти ба́тька й ма́тері и вони́, ка́жуть, ру́ки погрі́ли коло на́шого до́бра: гама́нець знайшли́ и ші́сьдеся́ть карбо́ванцівъ гро́шей, ище́ зверху́ й копі́ечка лежа́ла (то вже́ імъ на подзві́нне), — та й за́тали одъ нась. Усе́ у їхъ погорі́ло, усе́ — и на́ша ха́та, до тла. *Хто чу́жє бере́, того́ й Богъ по́бье...* Якъ мій ба́тько ту ха́ту бувъ оку́рбивъ! — «не мені», — ка́же, — «бу́де, — такъ ді́тямъ мої́мъ», — скли́нцюва́въ її, гру́зомъ набі́въ и обста́вивъ очерéтомъ круго́мъ, щобъ теплі́шъ. А садъ який хо́роший бувъ! вінъ и невели́чкий — да зелéний, пахúчий: га́рний ви́шнячо́къ, дві́ я́блуні́ такі́ вели́кі надъ са́мими́ сіньми; гру́ша, ли́ліясу́ три ку́щі вели́кихъ и ро́зи ку́щъ: соловéй усе́ було́ тамъ сви́ще, бо вони́ такъ собі́ у кінці́ са́ду сто́яли; було́, тихе́нько підійде́шъ, а вінъ заплю́щивши́сь да я́къ сви́ще! Ма́ти нась и одведе́, щобъ не поло́хали. — Са́жалка бу́ла, — ка́ліна круго́мъ понависа́ла такъ ря́сно, якъ ді́во́чі слéзи: то все ба́тько понаса́жувавъ. И тепе́рь зга́дую, я́къ було́ гуля́ешъ... наймичка́ полóтна бі́лить, а по́слі підъ ви́шня-ко́мъ сиді́ть — поя́си плетé. Оце́ було́ я гребі́нку ві́змú, прив'я́жу ми́чку та й собі́ пряду́, а ба́тько ка́же: «мо́я дочко́, мо́я па́нночко! я одкуплю́ тебе́, — на во́лю ви́нущу; пряді́ мені́ на яте́рі — бу́ду ри́бу то́бі лови́ти.» Пі́де ра́но - ра́но, язй́ позаставля́є, ду́хи по́закрива́є, व्यюни́въ, карасі́въ на́ловить. А ма́ти ка́же: «мо́я дочко́, мо́я прі́шечко! пряді́ на рушні́кі, на хусткі́: осну́емъ да ві́тчемо́.» Ба́тько й скрі́ню га́рну на ко́лесахъ зроби́въ бувъ мені́... Якъ-би́ давъ Богъ, щобъ вінъ живъ́ бувъ, я бъ́ тепе́рь ні́чимъ не жу́рилась... *На жи́то, мовля́въ, ора́ли, да й грéчки нема́є...* Якъ ставъ́ вже́ кúчеръ жи́ть у на́шій ха́ті, садъ усо́хъ: — не до́глядъ! вони́ ё́го не са́дили, да́къ імъ и не жа́ль, а ба́тько, було́, вся́ку гі́лечку перещу́пає, су́хе пообни́лює, пообма́зує... По са́ду, якъ пу́стїлась кúряча́ слі́потá, глу́ха кро́пїва, ло́пúхъ; по грядка́хъ сви́ріпа, гі́рчіця, — такъ и за́глúхло́ все: пі́дешъ у садъ — та́къ въ ре́пяхі́ и вберéсья, — колю́чий зроби́вся, мовъ́ їжа́къ... И лю́дина така́ бу́ває, що́ до ё́го й не доторкне́сья... зъ двора́ й соба́ки на́ші позбі́гали. Ско́ро й зовсі́мъ садъ ви́рубали, ба́ділля́ тільки́ стремі́ло. Тільки́ у ха́ті́ у їхъ такъ прехо́роше́ було́! Бо́жники́ ще́ такъ, якъ при́ ма́тері, бу́ли... Дві́ скрі́ні́ сто́яло, а

одна вь коморі, мой — батьківська. Долівка, було, мажетця, лавкі хоробші, чи ліпові, чи дубові, широкі... Усє сплило!... Корів у насъ три було, — батько та мати запрацювали, — полєгкость їх душамъ! Корови наші були гарні, — міжъ усіма пізнаєшъ. Якъ теперъ бачу: ліса, руда й сіва; молока по-багато давали, — до їх и відьми не ходили. Нашъ дідъ умівъ їх замовлять, — тільки треба було три слові сказать, якъ иті доїть; вінъ мою й матіръ навчивъ. Було идє доїть, да й скаже ті три слова. А пішли наші корови по рукахъ, зробились такі позахарчовувані, и молока стали мало давать, бо вже й до їх стали ходитъ відьми... Що ви думаете? якъ відьма на кого да розсєрдитця, уже оддѣчить. Вона хотъ чимъ, хотъ чимъ перевєрнетця. У однієї жінки стоявъ москаль, — отъ вона зъ імъ чогось и посварилась (а вона була відьма). Лігъ вінъ спать, вона й обернулась мұхою: гудє да й гудє — не дає єму спать; отъ вінъ пиймавъ її, да у пляшечку й зачинивъ. Встає чоловікъ тієї жінки, лежить вона и не дїше (у їх тільки душа вилітає, а тїлубъ їх зостаєтця). Чоловікъ такъ журитця, що вже світъ, а вона не дїше. Отъ москаль и каже: «коли вона заприсягне, що такъ робить уже бїльшъ не бїде, то я її тобі й випущу.» Отъ чоловікъ знавъ, що єго жінка відьма, и заприсягся. Москаль тоді випустивъ мұху изъ пляшечки, вона й загула; а жінку стали будить, вона встала и зарікалась. — А то одна відьма, неприрождєнна, ходить да й ходить зъ того світу до своїхъ дітєй; у її невістка була, синъ жонатий, дітки у їх були. Невістка якъ лягає спать — оградить, було, хрестомъ хату, пілъ, дитину (коліска коло полу у ногахъ висить); отъ свєкрұха у -ночі якъ прийде, то поги топче-топче невістці: такъ їй нїдно, що дитина висить у колїсці, а доступитця не можна, дакъ їх такъ свєкрұха занудила ходѣчи, що вони й хату покинули, и попові сказали. Одкопали яму, — відьма лежить бокомъ, а краса зъ лиця якъ не прїсне: кажуть, якъ-би прийшли дві дочкі да потєрля червоную суконкою, то бъ засмїялась. Говорѣть, що відьми й на Лісу-гору злітають змовлятьця, дє що робить. У насъ одна жінка хотїла навчитись відьмувать; отъ, и пішла до відьми, а відьма й каже: «Приходъ до мене вь глїпу нїчъ, да вже жъ учись.» — Добре, каже. Приходить та жінка. Відьма вийшла на крильцє та якъ свїсне! дє та я гадина набралася: такъ сюді й лізе; а вона каже: «вїзьми й по-

дай всяку гадину...» Та вже їй одказує: — усе тобі, голубочко, оддамъ, тільки пусті зъ душею — не хочу вчійця... То жъ відмі встають зъ того світу, ато й такъ мерці ходять. На русальчинъ великъ-день дітей и купатьця не пускають, бо русалкі залоскочуть. Насъ було и въ кінєць саду не пускають, бо вони и въ саду гуляють — усі голі... се все діти нехрещені; у гай хочъ не потикайся: хочъ и велике, то залоскочуть.

Оце жъ якъ я забазікалась! Не про се у насъ річъ була...

Забрали ото насъ *въ ко́мнати*, — мені добре було. Може й того, що *хто новію не видавъ, то й вѣтоші радъ*; зовсімъ не такий *чортъ*, якъ *їго малюють*: тільки разъ усею мене панъ за ухо стрепенувъ, що боса по морозу бігала. Нудьга тільки була за отими п'яльцями сидіть да шить: остогідли вони мені... Довелось мені двічі и на вечорніцяхъ, и на досвіткахъ побувать, — довелось и покохатись, — да що зъ того? *Скажи — лихо, да й мовчи*. Така вже доля моя, що въ мене не загостієтця щастя... А любо згадать и мені вікъ той недівгий дівочий...

Оце було якъ вісень, то вже дівчата и парубкі такъ и пропитують на селі, де яка вдова живе да хорошу хату простірну має, щобъ її просить у *досвітчані матері*, — да коли е у її дочка, то ще імъ и лүчче. Иноді й дівка старá буває досвітчаною матірью, отъ якъ котора сиротою зостанетця, а хата е; її и обпрядуть и обсвітять, — такъ и підживе. Дівчата, що-віткірка и що-четверá, то й прядуть досвітчаній матері по три пасми на двох-аршинне мотовіло, — а літомъ помагають їй полоть, то одна, то друга, навіперемінку. Оце, було, що-вечора, якъ порá йти на вечорніці, и чүешъ, то дівчата, то парубкі й кричять — ззивають, когó тамъ нема: «точокъ, точокъ, побравъ хтось дівочокъ!» а дівчата кажуть — «парубочокъ», якъ довго звечора не сходятьця. Оце и сходятьця дівчата и парубкі. Дівчата й несуть и мукү, й яйця, сáло, хлїбъ: (матірки дають), — а парубкі вже горілку тільки. Дівчата прядуть-собі, а парубкі — хто рукавиці плетє, хто веретєна робить, — хто зъ світїлкою: (хто сь чимъ прийшовъ); розказують, хто що бачивъ, що робивъ, що чувъ, або й співають, и якъ розжартүютьця, то, якъ комү, то й мичкі понáють. Разъ, такъ жартувáвши, на вечорніцяхъ дівку заплакали. Жартувáли, жартувáли, а послi й кáжуть: «умри, Гáлю: ми по тобі голоситимемо.» Та зъ сміхомъ и лягла. Вони зложили їй рүки, — у до-

світчаній матері взяли намітку и покрили її, и стали усі дівчата докладати: »Галочко й голубонько, стріце наша! на-що жъ ти насъ покинула! якъ-би жъ ми знали, що ти на останній дорозі, ми бъ тебе рядили, ми бъ тобі годили, ми бъ на тебе якъ на сонце гледіли. Поглянь на насъ, ясочко наша, засвіти своїми зорами, ясними очіма!... А парубки собі: »чого жъ ти, Ганночко, да такъ запишлася! устонькъ калиновихъ своїхъ да й не одкрієшъ, словонька тихого да й не промовишъ!« Далі дівчата вже и годі, — стали її будить — не встає; вони її зъ лави волокти, — думка така, що дурить, — а у її й духу нема! Боже-світе, якъ полякалися! тоді вже справді въ голось ударились... Да то давня річъ...

Славно буває по вечорніцяхъ! Оце, у неділю, насіння, соняшнику понаносять дівчата, лузають, — горбуху, сімья нажарять. Изъ парубківъ, хто ще не давно ставъ ходитъ на вечорниці и на досвітки, той такъ особнякомъ держитця коло порогу, або за століть; а хто вже такъ, що й покохався, той и сімья попросить, сиде коло тієї дівчини, що любить, — розмовляє зъ нею, пісень вкупі співають, — а тамъ уже й другі и треті собі паруютьця. Дівчата у квіткахъ, такъ повбірані, а якъ заручена, то квітки и по всякъ день не здимає; танцюють зъ парубками — тільки одляски йдуть, а музиці — такъ кохъ и наскидають грошей! Якъ вийдешъ, було, за ворота — тільки й чути тра-та-та-та-та-та, — весело такъ! музика грає... зітхнешъ, та й підешъ до кімнатъ: неволя! не робота, а неволя... Скільки ті корки та підківки настюкають голову досвітчаній матері, що-неділі! Того тамъ, де дітей багато, не буває й вечорниць... Після парубки натаскають соліми повну хату, світло потушать, й застаютьця съ тимъ, хто кого любить, а одинікі парубки — за шапки та й додому; чи світъ, чи зоря, вже й повставали; парубки соліму вінесуть, а дівчата по своїхъ хатахъ на роботу, въ помічъ матіркамъ.

Да не всякого й приймуть на вечорниці... Разъ у нашому селі біда скоїлась. Одинъ багатий парубокъ, ще й сирота, та дівчину піддуривъ; и вона тожъ багатого роду, у її ще три сестри було й мати. »Я, каже, на тобі оженюсь«; звісно якъ беруть — сто коней дають, а візьмуть — и одного не дають; такъ и вінъ: не хоче братъ за себе дівчину (Івгою звали). Що вона попожурілась!... Вона зродила сина, а вінъ — чутка пішла — що на дру-

гому кутку залицяетця. Івга й каже: »ти станешъ зъ нею підъ вінець,—я прийду зъ дитиною, зіпхну і сама на місце стану«; а мати въ судъ стала жалитьця, такъ за безчесте у ёго одібрали пару волівъ и пару коней, — да що зъ того!... обіди тоєі не зженешъ, усє пам'ять зостанетця. Йдє Івга селомъ — її стралять матірки; а парубкі ёго до себе не приймають: вінъ одъ вечорниць два годи одбитий бувъ. Ище її не вся біда сімъ скінчилась: повесла баба до хреста дитину, а пінь питає: »чи закінне? — Ні, паноче. — А пінь строгий бувъ, — якъ за се наказывавъ! Ну, добре,« — каже да цілий пість вона й говорила, все у куточку стояла, поклони біла... *Не дитині жъ соромъ, а батькові:* то якъ у ёго, зрадника, очі не повискакували отъ стиду й жалю!.. *Хороша чітка, кажуть, далеко чітна, а погана ще дальше.* Та дівка, до котрої вінъ присватувався, прочула про се и не пішла за ёго, й хустки одібрала. Отъ вінъ думавъ, думавъ, да й зновъ до першої.

Ти вернись (мовляв), жінко, ти до любови, ти й до розмови,
Ти й правдивая, ти й любима!...

А вона ёму:

Не вернусь, мѹжу, не вернусь, друже,
Бо знущався ти зъ мене дуже...

Да ради дитини вже пішла, — люде умовили.

Мені жъ такъ, якъ и її, долі не було, да й не бѹде вже. *Не було,* кажуть, *змалку, то й до'станку.* П'ять літь я послужила въ ко́мнатахъ. Пані кудись повіялись у чужі зємлі; мене одпустили. Я й жила у хрещєної матері, — да скоро вийшла зъ ко́мнатъ, мене заразъ и змовили за хоро́шого чоловіка, за багатого одінця: ёму ще й годá не вийшли женитьця, а мені — вісімнадцятий пішовъ. Отъ, зробили заручини; я подавала хустки и перейшла до ёго матері жить до віньця, бо маєтки у хрещєної матері були не великі. Жила я у їхъ, усє робила и слѹхалась, якъ матірѹ рідну; дотклива вона була, — да що, — думаю: — мені зъ імъ жить, а не зъ нею. Отъ вийшли ёму годá, порá ла́дитця намъ и кѹ весіллю, а вони тоді: »ми ужє знайшли собі кращу дівку«... Отó — річть!... Давай и мене гнать изъ хати. Я—до ёго: »щó се ти, Микіточку! Бóга бійся! чи я у тебе зъ лиця спала, чи брови зносилися, чи робить забулася? Хай«, кажѹ,

»твої мати Бóга не має в житті, ато й ти за ёю ручь, тягнешь?«... *Щож? якé дéрево, такі й одрóстки.... Силою води не докопається...* »Не по Бóжому«, кажу, »Микиточку, ти робишть!.. Я не послідня була и не яка-небудь;—дárма, що я вбога и худенька, якъ гичечка, а коло мене хлопці купцемъ: — знайшла бъ я собі й другого не згиршъ ёго! Я бъ имъ подякувала за-хлѣбъ за-сѣль, да нічого бъ не сказавши, и геть изъ хати, коли ви такі; хай вона имъ залетця. Да щó жъ, коли мой лиха година!.. А мати ёго грозьбою наказувала:» глядѣть же мені, діти!...« такъ-що, було, й цілуємось, захилившись за двѣрі.... а тутъ... Такий-то невіра! Покинувъ! И повинчавсь зъ другою, а я самохитъ пропала, — упустила долю, — зносила свій соромъ, якъ батківщину. Свѣтъ мені зав'язавъ, заївъ мій вікъ режівий...

Батько хрещений и на очі не пустивъ, — цілий годъ я чужі дворища топтала, да вже якъ занедужала у людяхъ, батько й мати прийшли й забрали мене зъ дитиною до себе.

Такъ-то я й добиваю свого молодого підкошеного віку!.. Може й дитина ся росте мені на великі слѣзи. Менѣ добрі люде не цуралися; я слави своєї дівочької не скаляла, а тільки ёму, зраднику, віри поняла... Охъ, жалю мій, жалю, жалю не по малу!..

А. Нечуй-вітеръ.

Новбрь, 1860 р.

СПІВЕЦЬ МИТÚСА.

Словутного пѣвца Митусу, древле за гор-
дость не восхотѣвши служити князю Данилу,
роздраного, аky связаного, приведоша...

Ипат. льтоп., стр. 180.

Гине сила Дажь-божого внúка: Татари плюндрують,
Князі кують коромóли, не дбають обь вірі и людахъ.
Кúритця Гáлицька волюсть, димъ до Бескíдівъ простягся;
Впавъ Володímиръ Волиньский; Кíива вже не підняти.
Князь Ростислáвъ изъ Дани́ломъ не мiлюють Зéмлю Дни́стри́нську;
Угри и Ля́хи бiдi додають; въ Переми́шль набiгае
Князь Костянтинъ; коромóлує зъ нимъ на Дани́ла владика.
Крiпший за всіхъ въ Переми́шлi спiвець словутний Митúса.
Шáблi не носить спiвець и грудей щитомъ не вкривае, —
Пiснями сiпле на князя, гóстрими нiби стрiлами,
Пiснями людъ стурбувавъ и хiть до вiйни підливає.
Краснихъ не хвалить дiвиць Митúсина пiсня шалéна,
Мiрного лю́дямъ життiя не прорóчить, не гріє одваги
На супостáта: усóбицi й смúти та пiсня вивóдить.
Отъ ужé градъ Переми́шль Андрiй облягае повкáми,
Ласкаво згóду дае, — не рáдить на згóду Митúса.
Рáно въ недiлю ступáють повкi княженецькi до штúрму:
Спiршу гарцюють стрiльцi, а тамъ подаютьця *порóки*. —
Ввечерi князь въ Переми́шль уступае; закували владика,
Сiлу взяли на потóкъ непокірного лю́ду; подрáли
Тúли бобрóви у iхъ, и барсúчи и вóвчи прилби́ци.
Ини́и бiгають по чужинахъ; не втiкъ словутний Митúса:
Вiнъ, що ко́лись не схотiвъ заспiвати Дани́лові, бранцемъ

Ставъ теперъ передъ княземъ Даниломъ словутний, а бўість
 Давня у серці... не впавъ на коліна, лицé но поблідо.
 Грізно поглянувъ на ёго Данило и мовивъ словами:
 »Гордий співа́че, сла́вний співа́че! бунто́вниче кля́тий!
 »Що, солові́ний го́лосъ зми́нявъ на гадю́че сича́ння?
 »Бо́гъ дарува́въ то́бі си́лу, ти одми́нивъ її́ бісу!...
 »Чомъ, якъ Бо́гъ старо́давній, ти не співа́въ намъ про сла́ву
 »Пред́ківъ вели́кихъ? Чомъ не навча́въ насъ до́бру́ и со́гласці?
 »Чомъ одъ грі́хівъ не впи́нявъ перозу́мнихъ о́гненимъ сло́вомъ?«
 — Кня́же! — одви́тивъ Миту́са: ось я заспи́ваю вамъ пі́сню:
 Рі́жтесь, куса́йтеся, би́йтесь, по́піломъ Русь поси́па́йте,
 Пі́йте брата́рною кро́в'ю, умива́йтесь слё́зами наро́ду: —
 Отъ до васъ до́брана пі́сня! — й́ншої вамъ не почу́ти!
 Що́ васъ спива́ти? що́ вамъ співа́ти? Шко́да, опі́знíлись!
 По́мста за по́мсту, ка́ра за ка́ру, ли́хо за ли́хо!
 Ко́нчили́сь ві́ки; спо́вни́лась ча́ша; грі́мъ роспа́лі́вся:
 Судъ немину́ций, судъ невмо́лимий, — на́писана до́ля!
 Ко́нчили́сь ві́ки! зі́лля сухе́е о́гонь поїда́е —
 Хай поїда́е! хай пропада́е Русь изъ кня́зями!
 Бо́же прокля́ття чо́рними хма́рами ві́ситъ надъ не́ю;
 Хма́ри згусти́ють, ві́ки пролі́нуть, и зно́въ, хочъ не ско́ро,
 Зно́ву розго́нить я́снее со́нце тума́нъ ві́кові́чний;
 Въ то́й часъ-годи́ну й́ншихъ пісе́нь спі́вці заспи́вають,
 Й́ншимъ кня́зямъ, та не вамъ, — й́ншому Ру́ському лю́ду!...

І ЕРЕМІЯ ГАЛКА.

1850.

СТАРОСВѢТСКОЕ ДВО́РИЩЕ.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ,

посвященное *Льву Михайловичу Жемчужникову.*

I.

Не скоро — о, какъ еще не скоро! — наступитъ умное время, когда деревья, съ ихъ животворнымъ дыханіемъ, съ ихъ тѣнью и вѣчно увлекательнымъ шумомъ, сдѣлаются безусловною принадлежностью нашихъ сельскихъ и городскихъ жилищъ. Покамѣсть, мы встрѣчаемъ больше охотниковъ повалить дерево, чѣмъ посадить его и взлелѣять. Покамѣсть, мы встрѣчаемъ немного мелкихъ усадебъ, окутанныхъ освѣжительной зеленью. Гораздо чаще, на нашихъ глазахъ, тѣнистые, цвѣтушіе и пѣвучіе уголки старосвѣтской, малолюдной Украины, по милости новыхъ своихъ хозяевъ, превращаются въ скучную плоскость, на которой торчатъ только произведенія неотступныхъ нуждъ человѣка — дома, амбары, погребъ, заборы. Какъ же это у мелкопомѣстныхъ, небогатыхъ земляковъ моихъ не хватаетъ на столько вкуса и любви къ живому, чтобы поддерживать вокругъ себя свѣжую зелень, или по крайней мѣрѣ щадить ее?... Вотъ, напримѣръ, нашъ стряпчій. Кто не знаетъ такъ называемаго *старосвѣтскаго дворища*, которое досталось какъ-то его отцу, а потомъ и ему, на окраинѣ нашего уѣзднаго городка? Чтò касается до меня, такъ я изучилъ это старосвѣтское дворище во всѣхъ подробностяхъ: я изучилъ его, какъ пейзажъ геніальнаго мастера, влюбленнаго въ дикую свѣжесть нашихъ захолустьевъ.

II.

И не одними древними липами, сдѣлавшимися у насъ такою рѣдкостью, привлекало оно къ себѣ мое вниманіе. На томъ мѣ-

стѣ, гдѣ только узенькая *сте́жка* извивалась передо мной по травѣ въ густой тѣни древесной, стояли когда-то козацкія хаты. Между этихъ липъ и старыхъ грушъ, поднявшихся высоко, точно кедры, — жили старосвѣтскіе казаки, извѣстные подъ именемъ *завзятыхъ*. Ихъ имена давно утрачены въ преданіяхъ, но память объ ихъ завязтости перешла къ намъ въ темныхъ разсказахъ о кровавой битвѣ, на этомъ самомъ старосвѣтскомъ дворищѣ, среди этихъ липъ, нависнувшихъ широкими шатрами, и древнихъ грушъ, выросшихъ на-подобіе кедровъ. Преданіе, очевидно, относится къ тому времени, когда казаки еще вѣровали въ свою *саблю булатную и пицаль семипядную*. Люди, менѣе храбрые и болѣе сметливые, вразумляли отъ времени до времени нашихъ воинственныхъ прадѣдовъ, что пора повѣсить на стѣну прославленное въ пѣсняхъ оружіе да взяться за умъ, чтобы не погибнуть въ исторіи народовъ; но казаки, владѣльцы старосвѣтскаго дворища, послѣдніе уступили силѣ вещей. Они защищались по-козацки отъ людей, которые, переставъ быть козаками, сдѣлались для козаковъ опаснѣе Татаръ и Турокъ. *Ищѣ не вмѣрла козацька мѣти!* восклицали они словами Хмельницкаго (а она давно уже была отпѣта), и въ одинъ прекрасный день, рѣшась отразить силу силою, пали всѣ до одного на своемъ дворищѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, точно какъ-будто представлялась какая-нибудь возможность не пасть и десятию саблями отстоять дѣло, потерянное миллиономъ. Народъ не понималъ ужъ и величія этихъ послѣднихъ представителей старосвѣтской Украины, не сохранилъ даже ихъ именъ, а понятіе о мужественномъ духѣ ихъ выразилъ, съ нѣкоторой укоризною, въ словѣ: *завзятые*. Ихъ дворище сохранило, однакожъ, имя *старосвѣтскаго*, хотя имъ завладѣлъ, по странной прихоти судьбы, человекъ новой формаціи, и именно нашъ стряпчій. Впрочемъ нашъ стряпчій — личность историческая, не менѣе завязатыхъ. По современному взгляду на дѣла человѣческія, владѣтели почвы, напоенной козацкою кровью, кто бы они ни были, дѣлаются достояніемъ украинскаго бытописанія. Личностей, подобныхъ нашему стряпчему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ намъ оставлять безъ вниманія: ихъ мелочные характеры интересны уже по своей противоположности съ крупными, смѣлыми чертами характеровъ, соединенныхъ съ этою почвою въ нашихъ воспоминаніяхъ. Они тоже герои: посредствомъ накопленія безчисленнаго множества этихъ мелочно

суежливыхъ, мелочно злыхъ и мелочно добрыхъ созданій кишащихъ одно на другомъ на мѣстахъ былой размашистой жизни, исторія выработываетъ новыя формы бытія, точно такъ, какъ физическая природа — посредствомъ разложенія органическихъ тѣлъ.

III.

Я долженъ начать исторію этого героя нашего времени съ того темнаго періода его жизни, когда онъ былъ еще ничего незначащимъ *судовымъ папичемъ*. Читателю, можетъ быть, извѣстенъ общій типъ нашего судебного папича — съ папирской во рту и съ поразительнымъ отсутствіемъ здоровыхъ понятій о государствѣ, обществѣ, человѣкѣ и природѣ. Страхъ потерять наслѣдственное званіе *благороднаго* заставляетъ ихъ оставлять родовыя десятины земли на попеченіе старушки матери, или выбившагося изъ силъ отца, и подвергаться письменной работѣ — теченіе Богъ знаетъ сколько лѣтъ. Переписывая или «очищая» машинально нумеръ за нумеромъ, въ безконечныхъ тысячахъ отношеній, предписаній, справокъ, повѣстоковъ, они естественно утрачиваютъ лучшую долю природнаго ума и чувства, такъ что неграмотный козакъ-пахарь, въ сравненіи съ ними, не только философъ, но и поэтъ; зато приобрѣтаютъ почти навыкомъ искусство ловить въ мутной водѣ рыбу и, какихъ бы ни дослужились чиновъ, рѣдко возвращаются изъ пыльнаго и грязнаго городка доживать вѣкъ на лонѣ свѣжей хуторской природы. Силой привычки, они перерождаются въ людей, совсѣмъ не похожихъ на тѣхъ, какими вышли изъ-подъ соломенной хуторской крыши. Они ничего знать не хотятъ, кромѣ *сходнищихъ* и *исходнищихъ*, и часто, продавъ наслѣдственный кусокъ земли, обрамленный лѣсами, напоенный источниками, покупаютъ въ городѣ домикъ, окнами на улицу, состоящую изъ одной пыли. Проѣзжая черезъ уѣздный городокъ, вы замѣчаете лежащую на запыленномъ окнѣ канцелярскую фуражку съ кокардою и думаете: «Бѣдное чиновничье существо! за какія вины предковъ, за какія общественныя прегрѣшенія, осуждено ты всю жизнь томиться на этомъ пыльномъ припекѣ?...» Но вы попусту растрчиваете свою чувствительность. Чиновнику, добровольно промѣнявшему хутор-

ской воздухъ на эту удушливую пыль, ради чиновъ, безгрѣшныхъ доходовъ и будущей карьеры, хорошо въ городѣ. Онъ эту пыль запиваетъ пуншемъ и заѣдаетъ возбуждательными бакалеями. Да едва ли она и томить его, какъ васъ, если вы привыкли дышать воздухомъ посреди садовъ, пасикъ, посреди только что вспаханной или ужъ золотящейся нивы. Посмотрите: онъ и дѣтей своихъ пустилъ по своей дорогѣ, и дѣтямъ своимъ не желаетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновниками. Пятилѣтніе Вани, шестилѣтніе Пети и Оеди прикалываютъ у него къ цвѣтнымъ околышамъ своихъ дѣтскихъ фуражекъ круглую бумажку, въ подражанье отцовской кокардѣ, и веселятъ родительское сердце. Не имѣя понятія о томъ, что такое свѣжая лужайка, или зеленые древесные шатры, они играютъ посреди душной улицы такъ весело, какъ ящерицы на раскаленномъ камнѣ. Не безпокойтесь, ради Бога, объ этихъ юныхъ созданіяхъ: объ нихъ природа прежде васъ позаботилась. Она, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всё болѣе и болѣе удаляетъ ихъ отъ ихъ первообраза, которымъ былъ, по всей вѣроятности, лѣтъ сто или болѣе назадъ, свѣжій, здоровый, простодушный и честный обитатель хаты, крытой соломой и обвѣваемой живительнымъ степнымъ, луговымъ или лѣснымъ воздухомъ. Настоятельная надобность въ охранительномъ чинѣ вырвала этого предка будущихъ чиновниковъ изъ какой-нибудь пасики, звучащей, въ солнечной свѣжести, посреди цвѣтистыхъ травъ и дремлющей древесной листвы. Заботливые родители, не знавшіе на себѣ, что такое чинъ, но убѣжденные въ его необходимости для сына, великодушно сослали его въ пыльный и душный городъ отъ дышащихъ жизнью береговъ степного озера. Нелѣпый призракъ бѣдности, которая лучше городского стѣсненнаго богатства, обманчивой призракъ униженія, которое выше жалкой чиновной высоты, прогналъ его изъ просторнаго, обильнаго, вольнаго хутора, незнающаго ни поклоновъ, ни принужденія. Прошло столѣтіе—и потомки не похожи уже на предка. Они ужъ меньше ростомъ; ихъ дряблыя, сухія руки образованы природою сообразно съ ихъ назначеніемъ; самый цвѣтъ лица подходитъ у нихъ къ цвѣту городской пыли, которою они осуждены дышать, въ наказанье за нелѣпую искусственность жизни своей. Куда бы потомъ ни забросила ихъ судьба, слѣпо награждающая успѣхомъ всякое усиліе человѣка, — въ благополучные ли бюрократы, гордящіеся

другъ передъ другомъ количествомъ *входящихъ и исходящихъ*, или въ счастливые бюстителн городского порядка, наживающіе въ одинъ годъ капиталы, — какъ бы ни разширились потомъ ихъ мышцы, но цвѣтъ лица, однотонный съ почвой, на которой выросли ихъ канцелярскіе предки, останется въ потомствѣ вѣчнымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ жили и понимали жизнь эти отступники простоты, существовавшіе на то, чтобы служить живымъ укоромъ дурно понятой цивилизаціи.

IV.

Впрочемъ, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, между начинающею братіей судебныхъ паничей, вы можете встрѣтить еще довольно часто цвѣтущій первообразъ будущихъ благополучныхъ бюкратовъ департамента и счастливыхъ бюстителей разныхъ порядковъ. Наши дворяне еще недавно были козаками (въ чемъ они совѣстятся сознаться) и вели почти всѣ безъ исключенія хуторскую здоровую жизнь. Села наши не очень давно еще сдѣлались позорищемъ насильственнаго труда съ одной стороны и пресыщенія городскими выдумками съ другой. Самые города наши до сихъ поръ сохранили еще во многихъ мѣстахъ наружный характеръ селеской жизни. Въ нихъ до сихъ поръ еще зелено, тѣнисто, свѣжо. Только главные, такъ называемыя казенныя улицы, на которыя любятъ обращать окна Жиды и чиновники, напоминаютъ обонанью столичный воздухъ и съ утра до ночи дымятся знойною пылью. Природный вкусъ Украинца еще не совсѣмъ ожидѣвшаго, требуетъ, чтобъ около его хаты зеленѣли вишни, черемхи или хоть вербы. Поэтому и въ уѣздномъ нашемъ городкѣ, по мѣрѣ удаленія отъ тѣхъ улицъ, на которыя особенно распространенъ такъ называемый строжайшій порядокъ, неформенныя хаты и домики окутывались болѣе и болѣе садами, а по его окраинамъ вы можете найти настоящія сельскія левады и какъ-бы отдѣльныя хуторки. Въ этихъ хатахъ, въ этихъ домикахъ, построенныхъ по собственному вкусу хозяина, между старыхъ садовъ, черезъ которые не проходила еще всеповергающая долу планировка, нерѣдко квартируютъ судебныя паничи, и двѣнадцати-часовое сидѣніе ихъ въ судѣ, на пыльномъ припекѣ, встрѣчаетъ здѣсь хоть ка-

кое-нибудь противодѣйствіе, во время отдыха, когда, надѣвъ пестрый халатъ и фуражку съ кокардою и усѣвшись подѣ старой нависнувшей надѣ заборомѣ яблоней, они забываютъ на время нумера *входящихъ* и *исходящихъ*, и напѣваютъ подѣ гитару какую-нибудь пошлую, но всё же не формерную, Ваньку-Таньку. Въ этихъ хатахъ и домикахъ, на старосвѣтскихъ двѢрищахъ, осѢненныхъ великанскими грушами, посреди произвольно выросшихъ кустовъ душистаго лиліеу, судовые паничи, удалившіеся и удаленные отѣ сельской природы въ городѣ на неопредѢленное число лѣтъ, представляются мнѣ, въ своихъ халатахъ и кокардахъ, чѣмъ-то въ родѣ полевыхъ цвѣтковъ, сорванныхъ гдѣ-нибудь на влажной долиніи или на опушкѣ звучащаго пѣснями лѣса и опущенныхъ стебельками въ воду. Я люблю страстно и меланхолически эти хаты и домики, поставленные не по плану и рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими физіономіями. Бродя по окраинамъ нашего уѣзднаго городка и вематриваясь въ характеръ каждаго изѣ этихъ вольныхъ, хоть и убогихъ, сооруженій, дружныхъ съ растительною природою, я не могу отогнать отѣ себя грустной и вмѣстѣ отрадной мысли, что въ то время, когда наши болшія, дышашія пылью и смрадомъ улицы постепенно передѣлываютъ человѣческій родъ изѣ цвѣтущихъ юношей въ оливково-пыльных чиновниковъ, изѣ свѣжихъ и сильныхъ людей въ худосочныя фигуры и фигурки, — физическая, а отчасти и моральная, жизнь кой-какъ удерживаетъ свою свѣжетть въ этой городской глуши, похожей на сельскую глушь. Въ одномъ изѣ такихъ уголковъ судьбѣ угодно было произвестъ на свѣтъ и нашего стряпчаго.

V.

Отецъ его былъ знаменитымъ секретаремъ повѣтоваго суда въ нашемъ городкѣ и изѣ ничего составилъ было значительное состояніе, но вдругъ, по волѣ какого-то свирѣпаго ревизора, попалъ подѣ судъ и лишился всѣхъ своихъ пріобрѣтеній, кромѣ старосвѣтскаго двѢрища на концѣ горсда да чина титулярнаго совѣтника. Съ этимъ чиномъ, онъ поступилъ на мѣсто регистратора въ земскій судъ, — самое ничтожное мѣсто, — и продолжалъ существовать на свѣтѣ подобно тѣмъ понамъ, которые, потерявъ

свой приходъ, помѣщаются въ чужой церкви на клиросѣ и управляютъ смиренную и малоодоходную должность приходского дьячка. Это былъ для него родъ эпитиміи, на которой онъ и скончался, такъ какъ начальство, пойманное, въ его лицѣ, на злоупотребленіяхъ, приняло строгія мѣры, чтобъ не давать ему дальнѣйшаго ходу. У этого-то падшаго героя уѣздной бюрократіи родился когда-то сынъ, емуже имя было Никодимъ, по отчеству Трифоновичъ, а по фамиліи, несомнѣнно дворянской, Коло-Меду-Палець, и сей-то Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець былъ нынѣшній нашъ стряпчій, обладатель старосвѣтскаго двѣрища, которое, долго служивъ ему для разныхъ житейскихъ надобностей, послужило наконецъ и къ нѣкоторой извѣстности его въ печатномъ мірѣ.

Отецъ Никодима Трифоновича не оставилъ ему ничего, кромѣ двѣрища завзятыхъ козаковъ, перешедшихъ въ память потомства безъ имени. Двѣрище одной стороною выходило на узкую, освѣщенную садами улицу, а другою — къ рѣкѣ, запруженной плотиною и похожей на озеро. Въ тѣни стародавнихъ липъ и грушъ стояла здѣсь хата, уцѣлѣвшая еще со временъ *завзятыхъ*. Въ этой хатѣ скончался низвергнутый секретарь повѣтоваго суда; въ этой же хатѣ его сынъ додумывался до сокровенныхъ средствъ возвысится на степенъ достойнаго своего родителя и, пожалуй, превзойти его. Малъ и ничтоженъ зѣло былъ Никодимъ Трифоновичъ, оставшійся послѣ отца двадцатилѣтнимъ юношей; но врожденный инстинктъ руководилъ его лучше предсмертныхъ отеческихъ наставленій. Всѣ свои помысленія и всю свою душу отдалъ онъ канцелярской службѣ, въ которую съ юныхъ лѣтъ былъ уже зачисленъ. Прочія стремленія, свойственныя благородному юношѣ, какъ напримѣръ вышить и повести карточную атаку на чужой карманъ, для него или не существовали вовсе, или строжайше были подчинены рвенію къ перепискѣ и составленію бумагъ. Такъ и общій всѣмъ смертнымъ инстинктъ къ продолженію своего рода у Никодима Трифоновича выразился не въ какихъ-либо романтическихъ порывахъ и страстныхъ мечтаніяхъ, но въ спокойной готовности жениться на дѣвицѣ, которая согласится обладать его убогою хатою и раздѣлить съ нимъ темную судьбу его. Желаніе сіе высказалъ онъ, между справками и сшивкою бумагъ, одному изъ своихъ товарищей, и тотъ сейчасъ же указалъ ему

такую, въ лицѣ Катерины Лупповны, сиротствующей дочери покойнаго іерея, отца Луппа, по фамиліи Ковбика. Сдѣланы были справки чрезъ кого слѣдуетъ, и по справкамъ оказалось, что, съ своей стороны, Катерица Лупповна, будучи поповною безприходною и слѣдовательно не разсчитывая на сердце какого-нибудь семинариста-богослова, готова была сочетаться узами законнаго брака съ убогимъ обладателемъ старосвѣтскаго двѣрища. Катеринѣ Лупповнѣ была очень красивая дѣвушка. Она могла бы осчастливить своей любовью лучшаго паробка въ селѣ и сдѣлаться козачкою на-славу; но наслѣдственное званіе даржало ее вдали отъ черноусыхъ героевъ вечерницъ; она никого не любила; она знала только, что ей надо выдти замужъ, и согласилась выдти за судового панича, хотя въ немъ не было свѣжей кровинки.

При дѣлахъ земскаго суда до сихъ поръ хранится прошеніе, сочиненное Никодиму Трифоновичу товарищами, о разрѣшеніи ему жениться. На прошеніи стоитъ помѣтка тогдашняго исправника: *отказать по глупости*. Бумага дѣйствительно отличалась какимъ-то вольнодумствомъ и возмутила не одного исправника, но потомъ она же обратила его неудовольствіе въ добродушный смѣхъ и расположила его больше прежняго къ Никодиму Трифоновичу. Прошеніе слово въ слово гласило тако:

»Пріемлю смѣлость покорнѣйше просить оный судъ — выдать мнѣ свидѣтельство на вступленіе въ бракъ съ дочерью покойнаго іерея Луппа, по фамиліи Ковбика, Катериною Лупповною Ковбиковой, ибо, достигли такого времени, въ которое голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы, назначенной мнѣ Провидѣніемъ оставить не могу и не намѣренъ, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, ибо вознамѣрилъ ревностное желаніе жениться.»

VI.

Никодимъ Трифоновичъ торжественно перевезъ свою невѣсту изъ убогой хаты вдовы-попадѣи въ убогую хату, оставшуюся на старосвѣтскомъ двѣрищѣ, благопріобрѣтенномъ его покойнымъ родителемъ. Переѣздъ былъ въ самомъ дѣлѣ торжественъ. Молодую княгиню провожали изъ ея роднаго села дружки-козачки, въ цвѣтахъ, въ лентахъ. Молодая княгиня сидѣла, посреди цвѣтущихъ

козачекъ, на скринѣ, наполненной трудами ея рукъ. Тамъ лежали свойцы полотна, тканые заплочью и шитые рушники, мережанные сорочки и разные наряды. Все это были свидѣтельства ея практическаго воспитанія и залого будущей хозяйственности. Вдова-попадья устроила какой могла почесть своей дочери. Еслибъ остался въ живыхъ отецъ Луппъ, безъ сомнѣнія, Катерина Лупповна ѣхала бы къ своему жейху не на сосѣдскихъ волахъ, украшенныхъ развѣвающимися лентами: она ѣхала бы въ бричкѣ. На ней были бы не цвѣты съ огорода, а какая-нибудь старомодная шляпка. Ее провожали бы не козачки въ плахтахъ и дукачахъ, а хугорскія и сельскія панночкѣ въ раздутыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Но Никодиму Трифоновичу не видать бы ея тогда, какъ своихъ ушей: тогда бы она какъ разъ плѣнила богословское сердце и не знала бы даже о существованьи старосвѣтскаго дворища на окраинѣ города, съ его древними, высокими грушами, роскошнымъ лиліеомъ, разросшимся въ глуши, и нѣжною, волнистою травою, которую прорѣзывала кривою линіею только тропинка отъ воротъ къ хатѣ.

Никодимъ Трифоновичъ, пригласивъ къ себѣ въ бояре судовыхъ паничей, немного конфузился простонародной обстановкой своей свадьбы; но играющія румянцемъ щеки невѣсты, черныя брови, блестящія огнемъ молодости глаза, чудесные свѣжіе зубы и стройный, высокій ростъ ея — подѣйствовали магнетически на его заявленную въ канцелярскомъ воздухѣ натуру, и простонародная обстановка свадьбы исчезла для него въ сіяньи молодой красоты, которая какимъ-то чудомъ отдается ему, точно во снѣ, въ полное обладаніе. Судовые паничи, напротивъ, были очень довольны обществомъ козачекъ. Они большею частью выросли на хуторахъ, гдѣ старосвѣтскій бытъ славянскій не уступилъ еще мѣста узенькому нѣмецкому быту, и имъ очень плохо давались мазурки и вальсы на дворянскихъ вечеринкахъ. Ознакомясь поближе съ кругомъ, въ которомъ очутились, они вспомнили хугорскія вечерницы и одинъ за другимъ начали выказывать свое искусство въ народныхъ танцахъ. Глядя на ихъ оживленные искренней веселостью лица, вы бы не повѣрили, что это тѣ самые люди, которыхъ видѣли вы въ судѣ надъ протоколами и справками. Притаившаяся глубоко въ сердцѣ чистая козацкая кровь выступала на молодыхъ, еще не совсѣмъ увядшихъ щекахъ ихъ.

Глаза ихъ заиграли какъ у людей честныхъ, смѣлыхъ и великодушныхъ. Отпустить бы имъ только усы да надѣть еще высокія козацкія шапки, — козакъ бѣ они были, а не чернильные пѣявки!

Весной женился убогій Никодѣмъ Трифоновичъ, и всѣ старыя груши и яблони на его двѣрищѣ были облиты цвѣтомъ, а пустынный лиліѣсъ благоухалъ въ тишинѣ городского закоулка, навѣщаемый одними соловьями. Ничего не возможно было придумать лучшаго для оживленья молчаливаго, тѣнистаго двѣрища, какъ отвалить присоху отъ ветхихъ, поросшихъ мшистыми лишаями воротъ, въ которыя давно уже никто не вѣзжалъ, и впустить свадебный поѣздъ съ поющими друзками, играющими музыкантами и танцующими боярами. Дѣти, собравшіяся толпой вокругъ поѣзда, бросились обрывать лиліѣсъ, наклонившіи свои вѣтви до земли, подъ тяжестью цвѣтовъ. Но, сколько ни опустошали цвѣтущую пустыню рѣзвые шалуны, — по ней разлилось только усиленное благоуханіе, а море цвѣтовъ осталось моремъ. Я бы желалъ привести сюда кого-нибудь изъ вѣчныхъ горожанъ въ то время, когда десятки топавшихъ ногъ примяли свѣжую траву. Однимъ глоткомъ захватывалъ тамъ человѣкъ больше жизненной свѣжести, чѣмъ сколько въ состояніи доставить намъ всѣ косметическіе магазины. И нужды нѣтъ, что веселый шумъ разогналъ соловьевъ изъ запустѣлаго двѣрища: ночью, когда все смолкло, молодые супруги уснули въ убогой коморѣ подъ такой хоръ слетѣвшихъ снова пѣвцовъ, какого не услышишь ни въ одной оперѣ....

VII.

Но остановимся на этомъ: поэзія жизни Никодѣмы Трифоновича не пошла далѣе. Нѣсколько свадебныхъ дней, въ которые онъ былъ освобожденъ отъ службы, то есть отъ двѣнадцати-часового скрипѣнья перомъ, были для него чѣмъ-то въ родѣ пьянаго сна. Все заиграло вокругъ него, все зацвѣло, заплѣло, и его канцелярскій умъ, наполненный нумерами и справками, погрузился въ какой-то сладкій обморокъ. Богъ знаетъ, почему и въ честь какого тезоименитства, устроился вокругъ него усыпанный цвѣтами парадъ, захватившій въ себя не только его товарищей, но и цѣлую толпу пѣвучаго сельскаго народу, съ дѣвчатами и моло-

дицами, съ танцующими на диво козаками и съ пѣснями, отъ которыхъ готово было помолодѣть и пропитанное чернилами сердце. Но оно не помолодѣло.

Женясь на убогой поповнѣ, Никодимъ Трифоновичъ усугубилъ рвеніе къ службѣ, такъ что едва не ночевалъ въ судѣ. Энергія украинскаго характера равно не сокрушима, какое бѣ ни приняла она направленіе. Никодимъ Трифоновичъ засѣлъ въ судѣ, какъ пашель, и пересидѣлъ всѣхъ молодыхъ дворянъ, яростно добивавшихся перваго чина и грядущей за нимъ чиновной карьеры. Пятнадцать лѣтъ непрерывнаго труда, подобнаго тому, какой идетъ въ стѣнныхъ часахъ какого-нибудь вѣчно исправнаго присутственнаго мѣста, доказали всему земскому суду, что безъ Никодима Трифоновича существовать ему не возможно. Все, что относится къ безопасному и безостановочному движенію бумагъ, было изучено имъ въ поразительной степени. И чины, и классныя мѣста медленнымъ, но вѣрнымъ порядкомъ приходили къ Никодиму Трифоновичу, и не далеко ужъ было отъ него секретарское мѣсто. Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець подходилъ къ этому лакомому мѣсту тѣмъ вѣрнѣйшими шагами, что не тревожилъ уѣзднаго начальства строгою честностью и не возбуждалъ въ немъ зависти быстрымъ обогащеніемъ. Онъ все еще былъ бѣднякъ, въ сравненіи съ членами земскаго суда и даже продавъ Жидамъ — это все знали — золотые галуны съ кунтуша, дошедшаго къ нему по наслѣдству отъ временъ козачества.

Но въ то время, когда самая крѣпкая нанка лѣтомъ и толстое сукно зимою протирались у него на локтяхъ отъ вѣчнаго сидѣнья надъ бумагами, ветхая хата его изъ пѣстки постепенно превращалась въ болѣе и болѣе уютное помѣщеніе, а въ его убогой коморѣ заводились кованныя скрини, далеко громаднѣе той, которая привезена была къ нему въ видѣ приданаго. Въ сельской поповнѣ-безприданницѣ судьба послала ему кладъ, а не жену. Воспитанная въ постоянномъ трудѣ и бѣдности, она дѣйтельно занялась улучшеніемъ пѣстки, въ которую онъ перевезъ ее. Все, что могутъ сдѣлать женскія руки съ глиной и меломъ, она сдѣлала, при пособіи поденщицы, и уже черезъ нѣсколько дней, послѣ вступленія ея во владѣніе мужнинымъ жильемъ, въ немъ и самый взыскательный глазъ какой-нибудь сосѣдки-чепурѣхи не отыскалъ бы ни трещинки, въ которую могъ бы спря-

таться занесенный къ намъ москалями тараканъ, ни пятнышка, обличающаго неопрятность хозяйки. Хата Никодима Трифоновича какъ-будто выпрямилась и помолодѣла, точно хозяйка какого-нибудь пахаря, которая всю недѣлю возится съ полотнемъ и домашнимъ пораньемъ, но когда въ воскресенье надѣнетъ свѣжее бѣлье и повяжетъ очинпокъ сіяющею какъ снѣгъ намиткою, — сосѣди не узнають ее, стоя въ церкви, и подслѣповатыя старушки, толкнувъ одна другую подъ руку, спрашиваютъ: *Чий се така молодá да хороша молодиця?*

Къ бывшей поповнѣ являлись на помощь не однѣ поденщицы. Она умѣла зазвать къ себѣ и стараго плотника Ковтуна, извѣстнаго пьяницу, который славился своимъ мастерствомъ, но, получивъ отъ кого-нибудь задатокъ, откладывалъ работу до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ его въ шинкѣ. Не предлагая ему платы, она пригласила его выпить добрую чарку крѣпительной звѣробоевки одинъ разъ и другой, и третій, и до тѣхъ поръ зазывала и угощала его чаркой горілки и ласковымъ словомъ, пока наконецъ онъ, на ея просьбу сдѣлать починки въ хатѣ, отвѣчалъ: *Не візьмú сь тебе грошей: якъ рідний дитині, тобі помайструю!* И дѣйствительно все починки, передѣлки и улучшения въ хатѣ, въ сѣняхъ и въ коморѣ стѣили Катрусѣ (какъ прозвали ее сосѣдки) одной звѣробоевки да вкусной стравы, которую готовила она собственными руками.

Расхвалила вдова-попадья свою дочь за хозяйливость. Никодимъ Трифоновичъ радовался молча, видя, что у него въ домѣ дѣлается полиѣе и полиѣе, какъ-бы какимъ чудомъ. На дворѣ, безъ всякаго съ его стороны участія, появились какія-то загородки, и въ нихъ захрюкали обжорливыя свиньи. Куры какъ-будто слетѣлись къ нему отъ всѣхъ сосѣдей; а тамъ смотри — и одинокій гусакъ вдругъ очутился семейниномъ, и вмѣстѣ съ своей долгошейею подругою водить цѣлое стадо желтыхъ гусей. Когда и какъ устроила Катруся надъ прудомъ огородъ, мужъ этого ничего не зналъ; но ея наймычка каждый день таскала что-нибудь на базаръ изъ этого огорода, и въ карманѣ у Катруси всегда звенѣлъ запасный рубль, на который она покупала для хозяйства не то, такъ другое. Катруся, молодая, здоровая, привычная къ труду, вся превратилась въ дѣятельность, и никто изъ сосѣдей не удивлялся, увидя у нея къ зимѣ корову, которая по

утрамъ и вечерамъ подходила къ низенькому плетню передъ сѣньми, въ полной увѣренности, что ея молодая, хозяйка собственноручно угостить ее пойломъ.

VIII.

Трудно рѣшить, что дѣлала Катруся съ большимъ удовольствіемъ — выносила ли пойло коровѣ, или ставила на столъ миску съ борщомъ, когда ея Никодимъ Трифоновичъ приходилъ изъ суда, для того, чтобы пообѣдать, всхрапнуть за перегородкой и уйти въ судъ до ночи. Вопросъ въ томъ, любила ли она его, выходя замужъ? Едвали, потому что, по убѣжденію, переходящему изъ рода въ родъ у воспитанниковъ семинарій, чистая дѣва можетъ безъ грѣха возводить очеса на красоту мужскую токмо послѣ вѣнчанія. Съ своей стороны, и философъ-семинаристъ, перейдя въ богословію и чувствуя, что «голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы», не предается тщетнымъ мечтаніямъ, но обращается прямо къ дѣйствительности и заблаговременно провѣдываетъ, въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ процвѣтають поповны съ надлежащимъ приданымъ, и лишь только кончить курсъ, прямо падаетъ на дворъ къ имѣющемуся въ воображеніи тестю, подобно соколу, устремляющемуся на добычу. Имѣющийся въ воображеніи тестъ, съ своей стороны, не входитъ въ разбирательство личныхъ свойствъ давно ожидаемаго и чаемаго въ духѣ зятя, но взираетъ на семинарскій аттестатъ его и, призвавъ предъ лице свое дочь, состоящую на очереди къ выдачѣ въ замужество, объявляетъ: «Вотъ твой женихъ, Палѣзя, или Феся, или Ліля! Возлюби его всѣмъ сердцемъ твоимъ.» Вслѣдъ за тѣмъ затѣвается свадьба тѣмъ же порядкомъ, что и у простыхъ смертныхъ, не столь приближенныхъ къ небу и, въ простотѣ сердца, предающихся очарованіямъ любви задолго до брака.

Зная это и видя, какъ наши поповны исправно толстѣютъ по выходѣ замужъ, мы справедливо должны заключить, что онѣ любятъ своихъ мужей тою безгрѣшною любовью, какую вообще чувствуютъ къ благамъ жизни, которыми не пренебрегаютъ ни въ какомъ случаѣ. Наша Катруся приложила свое трудолюбіе сперва къ хатѣ, двору и огороду своего мужа; когда же онъ

утвердился на службѣ и начали къ нему присылаться на домъ разные гостинички, — она не только не охлаждала усердія въ доброхотныхъ дателяхъ, но и вѣще поощряла ихъ приличными наставленіями.

Въ скоромъ времени появилась она одно, а потомъ и другое чадо женскаго пола, и воспитывала она ихъ никакъ не хуже любовью козачки, нагулявшейся досыта съ любимымъ паробкомъ до вступленья въ спокойныя супружескія отношенія. Весело и дѣтямъ показалось жить на свѣтѣ, когда онѣ начали бѣгать по всему тѣнистому двѣрищу и заросшему высокими травами набережью, съ котораго тяжелыя лягушки звучно прыгали въ воду. Дѣвочки считали себя ничѣмъ не лучше сосѣднихъ дѣтей, такихъ же, какъ и онѣ, босоножекъ, которыя перелазили къ нимъ черезъ плетень и вмѣстѣ съ ними играли въ вѣрова; а когда подросли, то долго были увѣрены, что нѣтъ лучшей доли на свѣтѣ, какъ жить съ матерью въ чистой уютной хатѣ (отца онѣ почти не видали) и вмѣстѣ съ нею лѣтомъ полоть въ огородѣ грядки, осенью убирать въ погребъ всякія овощи, а зимой сидѣть за шитьемъ, за пряжею и, по ея примѣру, съ самого дѣтства заготовлять себѣ мережанные рушники, хустки, сорочки. Онѣ не тяготились никакой работой, и никакой работы не находили для себя слишкомъ грязною. Онѣ бывало завидовали наймичкѣ, что она можетъ цѣлый день плескаться на кладкѣ съ бѣльемъ, и когда подросли на столько, что могли помогать ей, то не мало гордились ролью домашнихъ прачекъ и, на кладкѣ, громко вторили ей *нѣ- ніймъ дѣвочимъ*. И въ голову имъ не приходило, чтобъ онѣ были чѣмъ-нибудь выше своей наймычки. Она учила ихъ жизни, пересылая свою рѣчь наставительными пословицами. Она много испытала горя, служа по людямъ, и спротскій хлѣбъ ея всегда бывалъ приправленъ извлеченными изъ тяжкаго опыта размышленіями. Она казалась имъ умнѣе самой ихъ матери, которая далеко не знала столько пѣсень и поговорокъ. Еще бы пять-шесть лѣтъ смиренной жизни на простой образецъ, и славныя выросли бы невѣсты на этомъ тихомъ побережьи у окраины города, и еслибы судовой паничъ изъ разряда Никодима Трифоновича нашелъ себѣ здѣсь пару, — благодатнымъ трудомъ зацвѣлъ бы скромный домикъ его; изъ скудныхъ зеренъ, посеянныхъ заботливой рукой неуспяной хозяйки, выросло бы у него, точно ка-

кимъ чудомъ, полное всякой всячины хозяйство, и мирная простота замѣнила бы у нихъ недостатокъ поэзіи.

IX.

Но Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець коснулся наконецъ сладостной власти, къ которой столь долго простирались руки, и лишь только перо его начало выводить крючковатую подпись: *Секретарь*, — весь земскій судъ началъ послушно творить волю его. Тутъ, не боясь ужъ возбудить въ членахъ зависть быстрымъ обогащеніемъ, онъ въ одинъ годъ купилъ тутъ же въ городѣ доходную водяную мельницу, на другой годъ — нѣсколько сотъ десятинъ земли, а на третій — крестьянъ на выводъ, и выросъ у него на полѣ, какъ на ладони, хуторъ, съ овцами, коровами и пасекою. Катруся вдругъ увидѣла, что она — пани, и перестала ходить къ сосѣдкамъ въ гости. Къ ней въ хату повалила такая нарядная толпа купчихъ и дворянокъ, что убогія мѣщанки и козачки боялись показать туда носъ, и даже сосѣднія дѣти перестали лазить черезъ *панскій* плетень. Какія-то суровыя, недовольныя своей судьбой дѣвчата, выбранныя секретаремъ для дворовой службы изъ купленныхъ на выводъ семействъ, давно ужъ вытѣснили отсюда пѣвчую и щедрую на пословицы и поговорки наймичку, и уже съ ними не бесѣдовали о людской жизни и ея случайностяхъ молодые секретарскія дочери; на нихъ учились онѣ барствовать. Новыя знакомки растолковали имъ, что стыдно исполнять собственными руками такія-то и такія работы, и своимъ примѣромъ круто поворотили весь ихъ домашній бытъ. Меньшая сестра ихъ, захваченная приливомъ богатства еще въ младенческомъ возрастѣ, казалась имъ деликатнѣе ихъ въ своихъ привычкахъ и склонностяхъ. У ней были пѣжныя руки; она не притворно боялась ступить босой ногой на холодный полъ, и это возбуждало въ нихъ зависть. Онѣ употребляли всѣ усилія, чтобъ довести себя до благородной изнѣженности, но »мужицкое« воспитаніе отзывалось въ нихъ тѣмъ, что онѣ никогда не простуживались, ни отъ какой неосторожности не хворали. Ни умышенное сидѣнье долго съ вечера, ни долгое спанье въ пуховикахъ, ни даже приемы тайкомъ укусу большими порціями — ничто не

сгоняло съ ихъ щекъ румянца, который краснорѣчиво говорилъ о бѣганьи босикомъ по росѣ, о проклятыхъ, теперь вовсе ненужныхъ, полотнахъ, которыя онѣ сами бѣлили на солнцѣ, и наконецъ о простой, здоровой, или, что все равно, мужицкой пищѣ. Отецъ ихъ купилъ у какого-то разорившагося помѣщика готовый домъ и въ одно лѣто поставилъ его и устроилъ на своемъ старосвѣтскомъ двѣрищѣ. Все было въ домѣ, какъ у помѣщиковъ, только зеркала отражали лица сельскихъ дѣвчатъ, нарядившихся барышнями! Несчастныя страдали глубоко.

На свое прошлое, на свое веселое дѣтство и отрочество онѣ смотрѣли съ отвращеніемъ, и никогда не приходило имъ въ голову сравнить, много ли выиграли онѣ въ душевномъ спокойствіи съ перемѣной обстановки. Какъ онѣ были тогда дружны съ своей наймычкой, которая своею житейскою опытностію и честнымъ, строгимъ характеромъ внушала имъ безотчетное къ себѣ уваженіе! и какъ ихъ теперь безпрестанно раздражала крѣпостная прислуга, неловкая, неумѣлая во многомъ, что имъ понадобилось съ перемѣною быта, а главное — лукавая и неусердная! Какъ онѣ спокойно являлись прежде въ ближайшую церковь, одѣтыя и воспитанныя лучше всѣхъ обитателей простой хаты! и съ какой неувѣренностью въ себѣ, съ какими опасеніями колкихъ замѣчаній, съ какими страданіями зависти или оскорбленнаго самолюбія, ѣзжали онѣ теперь въ модную церковь, куда съѣзжались всѣ аристократы! Какая у нихъ завелась было тѣсная, простодушная дружба съ сосѣдскими дѣтми, и какія осторожныя, недоувѣрчивыя отношенія установились у нихъ теперь съ новыми подругами, изъ которыхъ однѣ имъ завидуютъ, а другія ихъ презираютъ!

Ни сами онѣ, ни ихъ мать не въ силахъ были бросить смѣлый взглядъ на сравнительное благоденствіе свое въ прошедшемъ и настоящемъ положеніи. Она, бѣдная, глядя на преобразенныхъ дочерей своихъ, всею душою радовалась, что видитъ ихъ барышнями. Она смиренно признала себя, въ сравненіи съ ними, простою женщиной, и едва считала себя достойною носить чепецъ, который онѣ цѣпляли на нее, выѣзжая съ нею въ гости, или принимая у себя гостей. Молчаливая роль въ новомъ кругу, гдѣ она не имѣла ходу съ своими хозяйственными знаніями, совершенно удовлетворяла ее. Она и на столько не была свободна отъ предубѣжденій, тяготящихся надъ подобными ей людьми, чтобы

хоть охнуть подъ бременемъ новаго быта, въ которомъ она играла роль служанки у собственныхъ дочерей своихъ. Прикрикнуть на нее и послать ее десять разъ въ догонку за неповоротливими и неусердными крѣпостными горничными—было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Свѣжая и бодрая на склонѣ лѣтъ, благодаря, простотѣ привычекъ, которыхъ не оставила и съ переменной обстоятельностью, она бѣгала съ утра до ночи по всему дому и погоняла безъ усталости свою новую челядь, радуясь сердцемъ, что дождала до барства.

И сама ея матушка, видя свою дочку въ чепчикѣ, а внучекъ въ низкихъ лифахъ и модныхъ прическахъ, много разъ обращалась къ образамъ и благодарила боговъ, что они сподобили ее видѣть собственными глазами процвѣтанье своей отрасли. Благочестивая старушка не замѣчала, что не только ея простонародная рѣчь, но и самыя молитвы, дѣлались предметомъ шутокъ между тремя граціями, затянутыми чуть ли не съ помощью кучера въ корсеты.

Х.

Сколько это лѣтъ прошло съ того дня, какъ бояре отвалили бревно отъ ветхихъ, мшистыхъ воротъ старосвѣтскаго двѣрища и впустили свадебный цвѣтущій и поющій поѣздъ? Не менѣе двадцати лѣтъ. Никодимъ Трифоновичъ изъ смиреннаго судового панича успѣлъ въ теченіе этого времени сдѣлаться всемогущимъ секретаремъ земскаго суда, а наконецъ и владыкой всѣхъ доходныхъ дѣлъ — стряпчимъ. Но, Боже! какъ же все измѣнилось на старосвѣтскомъ двѣрищѣ! Старыхъ грушъ и яблонь давно ужъ нѣтъ, и изъ прекрасныхъ липъ уцѣлѣли только двѣ: остальные срублены, потому что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они разширяли свои благовонныя сѣни, понадобилось расположить господскій домъ, амбары и конюшни. Въ этотъ дворъ, на которомъ такъ славно танцовалось когда-то по свѣжей травѣ, теперь страшно заглянуть. Смотрите: вонъ тамъ, налѣво стояли кусты лиліеусу. Отъ этихъ кустовъ уцѣлѣли только сухіе, недоломанные прутья, и мимо нихъ, вдоль амбаровъ, бѣгаетъ огромная цѣпная собака. Подъ

лай и тоскующій вой этой собаки засыпають въ новомъ домѣ изнѣженные дочки стряпчего, не заботясь ни мало о соловьиныхъ треляхъ. Проходите, добрые люди, мимо! не заглядывайте больше въ старосвѣтское двѣрище! Оно и для меня потеряло всякую прелесть. Оно сдѣлалось для меня предметомъ душеспасительнаго размышленія, не болѣе.

П. Кулишъ.

20 августа, 1860.

Васильевка.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОПЫТЕНКА.

ПОСТУПЛЕНІЕ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ВЪ ГОРОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ⁽¹⁾.

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей *въ люде*, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ *школахъ*, смотря по достатку, — запасались извѣстнымъ количествомъ *карбóванцівъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали, и дѣтей, и карбóванцы, и мѣшки, въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались зацѣпиться и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ, и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напримеръ Петербургъ, Кіевъ; но охотѣе всего земляки мои ѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего — въ *Чорноморію* и на Кавказъ. Конечно, причину предпо-

⁽¹⁾ Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1838 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе.

чтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда »Нѣсть про-рокъ во отѣчествіи своемъ«, особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда — и перспектива возможности пріобрѣтенія большихъ чиновъ и большихъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправленіе въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримѣръ, проѣзжіи офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, наставлялъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго справляясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *доброму чоловікові*, прося послѣдняго помѣтитъ сына, а сыну наказывая — *шануватиця* (вести себя хорошо) и слушаться *доброго чоловіка*. Добрый человекъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда.... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго человека!... Совершалось отправленіе иногда и такъ, что родители выбирали кого-нибудь изъ среды себя и отправляли дѣтей, или же навязывали ихъ какому-нибудь, пріѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша — котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ, — и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!...

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени — поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ — въ губернской городъ. Но со мною вышло иначе — рѣшился отдать въ городское училище....

Что заставило старика отдать меня въ городское училище — положительно не знаю. Думаю, что, какъ человекъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что ограмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего выведетъ его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче, что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ питалъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научили его грамотѣ, а когда старикъ, дѣдъ мой, отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ, и сидя тамъ на *печи* и прислушиваясь къ чтенію школярей, выучилъ наизусть церков-

ную азбуку и всё склады до *тма-мна*.... Въ послѣдствіи я расскажу подробно, какъ этотъ человѣкъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причинахъ солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни иныхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно минувшихъ, — слушалъ, по видимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *грóші и часть на чóрзнащо*, трунилъ надъ рассказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало прекращаю свои росказни, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: «Бáчъ», говоритъ, «чому вони вчáтца!... А дурні батькі грóші трáтять!... Який же вамъ гáспидъ цéну тягáвъ до сóнця, що знáєте, скільки туді верстóвъ? Хíба чи не ворóнь просíли?» — «Ви дúмаєте», отвѣчаетъ гимназистъ, «якъ не ворóна, то й не кáркае, якъ цéну nemá, то й мíрять неможна!» и пошелъ снова.... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунить, опять выводить изъ терпѣнія рассказчика.... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что понялъ или убѣдился) такое разумѣніе, на-примѣръ, способовъ измѣренія между небесными свѣтилами, что и иному гимназисту подобное не пользѣ силу. «Эхъ, якъ-би було менé навчíли!» иногда бывало говорить онъ въ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человекомъ....

Какъ я живо помню всё обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто всё это вчера происходило! Да что вчера: что вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою выпукlostію и такъ отчетливо, какъ то, что дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всѣмъ Украинцамъ несообщительности, не любящей посвящать всякаго встрѣчнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить.... частію по самостоятельности характера, и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а можетъ быть частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, — даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его, потому, большею частію оставались въ-тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоя-

тельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивленіе, противо-дѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, взлоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе.... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ снѣгъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть — исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ.... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ, его предположенія на мой счетъ; но матери и намъ всеѣмъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что это за *училища*, намъ и въ голову ничего не приходило!... Начать съ того, что вдругъ,—какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, — мнѣ сдѣланъ былъ новенькій *нагольній кожѹшокъ*, и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ барашковъ; сдѣланы были пара новыхъ сюртучковъ съ соответственными принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволилъ мнѣ пріостановить ученіе: «Забрѣзкъ,» говорить, «занидівся.... Нехай ужъ», говорить, «въ училищі бѹдешъ!» Ученіе, конечно, было пріостановлено, а слова «въ училищі бѹдешъ вчѣтьця» — приняты за фразу въ родѣ «въ полкъ тебя отдамъ» и т. п. Догадливому человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходительностію, которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ нравамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятею*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ-домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чьему-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти....

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ сербѣзень и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, веретъ за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ; провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторожить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что долженъ дѣлать онъ, если бы, чего Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дерну-

ла за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ онъ, отецъ, наговорить ихъ и т. д. Распожраясь отпавленіемъ подводъ, отецъ велѣлъ приготовить и *кінські сани*, большія сани, и пару лучшихъ лошадей—признакъ, что поѣздка имѣетъ важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ Грицько, плотникъ и вмѣстѣ мельникъ и *олійникъ*, осматривалъ сани, не нужно ли *завертніи* или оглобли перемѣнить, *де свѣрдломо крутиють*, *де сокірою стѣкнути*; рассказывалъ, какъ *орчикъ* привязать, потянулъ даже за *поборси* (постромки), крѣпко ли привязаны; сани указалъ, какую упряжь взять, присутствовалъ при ея осмотрѣ Прокопомъ, сапожникомъ и вмѣстѣ кожевникомъ и скрипачемъ; присутствовалъ, какъ набивали *ніхтіръ* ⁽¹⁾ сѣномъ, какъ вывели и чистили лошадей и пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣсть и пьеть и т. д. Мы, дѣти, все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію отца, готовила *яцикъ* и *мішокъ* ⁽²⁾ и клала туда куски *сала*, жареного гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п. — все это завернутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отперла *скриньку*, въ

⁽¹⁾ Веревошный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ торговый, возятъ сѣно при поѣздкахъ.

⁽²⁾ *Яцикъ* и *мішокъ* при сборахъ въ путешествіе, и во время самыхъ путешествій, по преимуществу означаютъ у насъ яцикъ и мѣшокъ съ съѣстнымъ (т. е. яцикъ — съ *саломъ*, *ковбасами*, вареными яйцами, мясомъ и рыбою, зажаренными или отваренными и т. д., а мѣшокъ — съ хлѣбомъ, *паллицилами*, *коржками* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка говорить, — конечно, если дѣло идетъ о сборахъ къ путешествію: »Ще трѣба яцикъ и мішокъ спорядити«—это значитъ: »Еще надо зажарить курицу, очистить *сала*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить въ яцикъ и мѣшокъ.« Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе, близкое или далекое, съѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и воль, даже водою, любятъ запасаться въ большомъ количествѣ, если возможно, даже на все путешествіе, а мои землячки любятъ снабжать отъѣзжающихъ самымъ лучшимъ, что у нихъ есть въ запасѣ изъ съѣтнаго. За такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ моихъ соотчичей: говорятъ, что это не разсчитливо, и наклонность къ обжорству показывается. Разсчитливо ли для моего земляка держаться подобнаго обычая, или нѣтъ, — поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое время; а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣетъ основаніе не въ нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, имѣвшей обыкновеніе постоянно ставить въ необходимость—женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и прадедовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ отбывающихъ на дорогу всѣмъ, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго населенія былой Украины, а дѣдовъ и прадедовъ нашихъ ставившей въ необходимость часто перелетать безводныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ не было въ то время, да и теперь еще очень мало, постоянныхъ дворовъ и трактировъ, и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодь и жажду можно было, или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что несла на себѣ быстрая, какъ степной вѣтеръ, вьючная козацкая лошадь.

которой хранились мѣдныя деньги, отсчитала нѣсколько рублей на мелкіе путевые расходы отцу и положила ихъ въ нестрадевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучками* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но что ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно — насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ, — а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія, — значить, батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть, — видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости бранить и наказываетъ и никогда ни за что не похвалить, никогда не ласкается и не *голубитъ*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому.... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли....

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отправлялся по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поѣздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго порядка — таковъ стародавній обычай. Но почему обычай этого держался и отецъ — не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаямъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соответствовалъ его наклонности — больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селлахъ, встрѣчъ съ знакомыми, и ихъ разспросовъ, — а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбежныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбежныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она зиждется и которые выработаны историческою ея жизнію: человѣкъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и расчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными невѣрнымъ, — въ первый день ѣзды болѣе воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодры. Можетъ быть онъ руководствовался

и тѣмъ расчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью нисколько не разстроивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули .. и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому — для домашнихъ дѣлъ день пропалъ! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во всѣ глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей среды*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ, отецъ держался еще другого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ, и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и всѣ выѣзжавшіе, непремѣнно должны были поѣсть — что, большею частію, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты, и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не всеневнымъ питьемъ), — словомъ, до обѣда и *риски въ ротъ не бравъ* ⁽¹⁾. За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ водку — ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши.... Какъ меня разбудили, какъ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, что въ это время вокругъ меня дѣлалось, — ничего не помню: сонный былъ, дремалъ.... Первое, что обратило мое вниманіе, что я началъ понимать и что, слѣдовательно, помню и теперь, это — необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: сядетъ, протянетъ дрожащую руку, погладитъ меня по головѣ — и исчезла.... »Ижъ, Васіюню, іжъ, дитіино мой!« — снова исчезла.... Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *принюшенныхъ, мякѣнькихъ*, и не дождавшись отвѣта, снова!...

(1) Т. е. росинки.

Дремота моя начала исчезать, окружающее ближе придвигаться къ моему сознанію...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьёзенъ, очень серьёзенъ; ни слова не говорить, не отрываетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ попраздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моимъ бѣльемъ, и другимъ платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какимъ-то любопытствомъ смотрятъ сюда, особенно на меня...

Мною тоже овладѣло какое-то любопытство, даже безпокойство. Я началъ быстрѣе поворачивать голову къ матери, когда она входила: «Что случилось? что все это значить?» — «Ничо́го, Васюню, ничо́го! іжъ!» тихо, — и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца...

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гнѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ....

— Порá! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и по прежнему ни на кого не глядя: — Оди́нь ёго!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорогую кашемировую шаль, *ба́бинскую*, которой и сама никогда не надѣвала... нагольный ко́жшо́къ, и поверхъ воротника другую ба́бинскую шаль.... Какъ руки у нея путаются, какъ медлитъ она! Отецъ давно ужъ готовъ: *ко́жшо́къ*, крытый синимъ сукномъ, изъ превосходныхъ *сѣрыхъ* барашковъ, въ одной рукѣ черная *смуше́вая* шапка, въ другой — неразлучный спутникъ его старости, *цѣпо́къ*; а она все еще медлитъ!

Но вотъ и я готовъ. — Ходи́мо въ сві́тлицю!

За старикомъ пошла мать, со свѣчею въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящейся лихорадочнымъ жаромъ.... За матерью — я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидаетъ!

— Сядьмо!

Сѣли.

Наступила минута молчанія, — охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства налагается невыносимое молчаніе, — и все притаило дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить, бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже ме-

бель, всё неодушевленные предметы, наполнявшіе комнату, какъ-будто притаились, прятали углы и выпуклости, жались въ тѣни... Словно мертвецъ тутъ лежитъ, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

»Порá! раздался снова голосъ отца:« моли́тца, говорить, Бо́гу! и, вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

»Благослови, старá, сина! Та накажи, щобъ бувъ до́брый, розу́мный!...

— Нехáй тебѣ благословить Богъ и Ма́ти Бо́жа, моя дити́ночко!... якъ я тебѣ благословлю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забува́й Бо́га и Ма́тері Бо́жої!... слухай ба́тька, своїхъ вчи́телівъ!... будь до́брый, розу́мный!... Не забува́й и мене, моя дити́ночко!...

»Порá, Васи́лку, ходи́мъ! прервалъ съ другаго конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержанный...

— Поцілу́й же мене, Васи́ню! — начала меня цѣловать и снова крестить: — Мо́же бѣ? говорить...

Я поднялъ голову — съ мольбою глядитъ на отца, что-то мнетъ въ пальцахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поверотилъ голову къ отцу — одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдаетъ ей секретныя приказанія...

— Оце́ тобі, Васи́ню, де́сять шажківъ — бубличківъ, мо́же, коли кúпишъ!...

Послѣднее объятіе матери...

Отецъ сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулупъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондрать тронулъ возжами, — сани понеслись, визжа полозьями и скользя на забойнахъ, то въ ту, то въ другую сторону...

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жестокъ; но я люблю тебя вспомянуть!... люблю вспомянуть даже о крутыхъ, суровыхъ и жесткихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно, и въ нихъ есть своя доля правды, что-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадедовъ, столько еще мы потомки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жесткія ея стороны, которыхъ

не одобряетъ наша голова, и жесткость которыхъ намъ приходилось на себя отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разнуздавшейся страсти, а проистекали изъ сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонялось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣйливой жизни, вы, можете быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можете быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нѣкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете, — вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣться на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себѣ обнаружить признаковъ чувства и оцѣнивавшій чувства другихъ, — съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую нѣжную мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разныя интересныя событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулупѣ, садиться на козла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска... Помѣстивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять отъ города къ одному своему знакомому и прожилъ тамъ нѣсколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня.... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь

ЭПИЗОДЪ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, засѣдателей, — словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того извѣстнымъ всѣмъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ сдаваема была на руки отца и всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но была съ сильно развитою наклонностію: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною, — наклонностію къ пинкамъ, зубочисткамъ, зуботычкамъ, подзатыльникамъ, треушинамъ — словомъ, ко всѣмъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе, и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Прійдетъ бывало отаманъ: — Бѣдьте ласкави, Петро Василѣвичъ, возьміть собі того уша (¹), що у Голованя!

»А хіба що?

— Та така й така річъ.

»Ну, коли такъ, сількись (²).

И *ушъ* переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушъ.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни ма-лихъ хатъ, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клѣчаньямъ*, пучками *ивоздіківъ*, *васильківъ*; полы устланы только-что накошеною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и ве-

(¹) Землики мои называютъ иногда людей военного званія *ушами* и *кабишами*, за часто употребляемыми ими слова *ушъ*, *кабышъ*.

(²) *Сількись* — пусть себѣ.

село ужинали.... Покойникъ отецъ любилъ ужинать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то покрайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицько, — запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ спереди чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука, и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить.

— Здѣлайте Божеску милость, Петро Васіловичъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: «хлѣбъ та сіль! Добрий вечір, бѣдьте здорові зъ симъ днемъ!»

«А що тамъ такѣ? отозвался отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москалі прийшли на постой, такъ одінь такий офіцеръ, що вже й до Івана водійвъ, и до Устѣнка, и до Паліводи: «Тѣсно!» кричить, та й годі, хоть ти въ вічі йому плюй!... И колибъ що путне, сказавъ, продолжалъ Грицько изливать душу: — ато якъсь фря така, мізерне, маленьке... А лаєтця жъ то, не при хлѣбі святому згадуючи... тьфу!... И въ вічі такъ и січетця!... Та ще й до чуба...—и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлають земляки мои, когда чувствую ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: «Да что говорить! пусть ужъ Богъ ему простить!»

«Ну, сількись, веді його! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та вінъ тутъ, у васъ за ворітьми!... Я заразъ, спасібі вамъ!... Черезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пыли.... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хозяинъ? давай квартиру, да жива!...

«Заразъ, заразъ!» спокойно, но серьезно отвѣчалъ отецъ, и поворотившись къ матери: «Вели, старá (¹), одпѣрти ті хати ...»

— Какія хаты? перебилъ офицеръ:—вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, миѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай! — и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

«Коли вамъ хочеться тутъ — и тутъ можна!» сказалъ невозмутимо

(¹) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда *старбоу*.

старикъ: «вотъ выбирайте, какую хотите! — и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офицеру *світлицю* и *кімнату*.

— Я эту возьму! сказалъ тотъ вошедши въ *кімнату*.

«Чи сю, то й сю! мой старъ зъ дѣтьми ляже въ свѣтлиці — васъ не побезпокоять: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ; а мнѣ поставять кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни, — всѣмъ дѣло бѣде!

Какъ невозмутимо и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!..

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженіями, сердито началъ отщипывать саблю и кричать на денщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хоть уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на роду написано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

«И лошадямъ найдемъ мѣсто!» отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кухнѣ, прибавилъ: — Хлопцы, покажите вотъ ихнему денщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли*? снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше: — Мои лошади стоятъ у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

«А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?»

— Конечно!

«Ну, такъ выведите, хлопцы, изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню денщикъ....»

— Да у меня и кучеръ есть.

«Ну, такъ пусть кучеръ! Да что нужно, расскажите, помогите! Можетъ статься, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы нѣтъ!»

По зову отца, *Оксѣнтій* и *Антінъ* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *вѣбрикомъ* пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя, и, не зная, что дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нацѣпилъ на нее петлю противоположнаго лацкана, — и такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновеній, пошелъ въ *кімнату*.

Мы переглянулись, едва удерживая хохотъ (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, понимали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣсть себѣ преспокойно, и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда денщикъ, внесши въ кімнату послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднявъ голову и указавъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кімнаты.

— Чѣшъ, якъ тебѣ звать, бѣдь ласкавъ!...

«Иваномъ-съ, матушка!»

— Спитай, будь ласкавъ, Иване, своего пана, чи не хоче повечерять: у насъ бѣде шо.

«Слушаю-съ!» и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де «его благородіе приказали благодарить, поужинають, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать.»

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать, есть. «Да ужъ ты, Иванъ, будь ласкавъ, говорить, не хлопочи, отдохни — послѣ дороги вѣрно усталъ; и повечерять потомъ съ кучеромъ дивчата вамъ дадутъ.... Орішко, Васько!» и т. д.

— Поркорнѣше благодаримъ-съ! вы, то есь, матушка, знаете нашу!

Пужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *долівці, по́котомъ*, и отецъ наказавъ намъ не *пустувать* (не шалѣть), а спать, не шумѣть. Какъ офицера поили чаемъ, какъ подавали ему ужинать — мы уже не слышали....

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано, и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ края, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, нѣжной ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотрѣть, и съ Борбѣсомъ поваляться на травѣ, избѣгать *стінку*, ⁽¹⁾ гоняясь за соловьями, заглянуть въ леваду, много ли за ночь подросли *полуніці*.

(1) *Стінка* — роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

Отець ходилъ уже по огороду.... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ штанахъ съ *очкурѣми* и въ сапоги, въ картузѣ, съ *цинкомъ* въ рукѣ: туда посмотреть, туда заглянуть.... Тутъ помолчить—хорошо, значить, все; а тутъ поворчить. «Дѣрень Остапъ, и ворить не причинявъ, телята повилазять.» Но, видимо, старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого расшевелить, хоть что заставить забыть!...

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни: — Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ имя и отчество человека намъ нужнаго или полезнаго!

— Здорѣвъ, здорѣвъ!

Сѣ, то; съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и таракановъ. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ-будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *ріднихъ* пословицъ и поговорокъ: «Не вірь, бо воно звірь, хоть не вкусьить, то зляка»; «Одъ Москалі полі вріжъ, та тікай» и т. д.

«Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?»

— Гм!... Опѣго вже не скажѣ тобѣ, до новѣго ще далѣко, — а прошлогодній выкормленъ, распроданъ.... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

«Экая бѣда! Баринъ встанетъ — отчего, молъ, то есь?....»

Молчаніе....

«Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?»

— Чомъ нема?...

«Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанетъ....»

— Возьми, Оксѣнтію, ключъ одъ инбарця, да набери імъ лантухъ ⁽¹⁾!

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не нахальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, ма-

⁽¹⁾ *Лантухъ* — большой мѣшокъ, въ который можетъ помѣститься русская четверть.

тери и сестрамъ вы и, въ добавокъ, порядочно сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяевами было непріятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздно обѣдаете?

»Вы очень добры.... я, право, не заслужилъ.... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ?«

Вышла сена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Нічого! говорить старикъ.

»Какъ, ничего?«

— Такъ, нічого, та й годі!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ денегъ, по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена — вы могли изѣздить Украину, «вдовшъ и виоперекъ», не истративъ на корма ни копѣйки. Офицеръ съ своей стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ: — Это, говоритъ, рѣшительно было бы ни на что не похоже!

— Ну, — сказалъ старикъ, — его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову, — признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юмористическаго настроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидимому, глуныхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п. — Ну, говоритъ, коли вже вамъ такъ хочѣтця, — сількись, давайте грѣші: сѣгодні у насъ овесъ по сороківці (¹) лантухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скоръ на дружбу, какъ и скоръ на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, впродолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень любилъ слушать рассказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: что нужно, — перемыто, что нужно — вычищено, починено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшего долго въ

(¹) По гривеннику.

отсутствіи семьянина, и выпровожали потомъ въ походъ, какъ выпровожаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всеѣми и деньщикъ Иванъ, и скоро и охотно поступилъ въ число домочадцевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душою любилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, прожившимъ довольно долго въ *Хохландіи*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ бездѣйствіи и, какъ дѣлаваютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшому брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы шнуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его полюбили, и какъ истые дѣти и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесъ*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, произносимое имъ *то есь*. Добрякъ нисколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохлята* перекрестили его изъ Ивана въ Тоеся: — Вишь-ты, пострѣлята! то есь, я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесъ!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ....

Что-то съ тобою сталося, добрый Тоесъ?!.. Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, долеживать указные годы жизни на полатахъ, нянчить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестриныхъ, можетъ быть, и своихъ? или торчать у дверей какой-нибудь Казенной, или какого-нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства — гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго, и ты, неся барину на пикетъ трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?... или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко тово, и въ лазаретъ, а оттуда — *туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни онаго? То ли, или это съ тобою сталося? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живеть — молчить, и умираеть — молчить, и въ могилѣ лежить — молчить.... На, вотъ тебѣ, Тоесъ! отъ того, то есь, хохленка — помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошелся, а даже сталъ всеѣмъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всеѣмъ недовольная и щедро разсыпавшая на все стороны обидныя побранки, а

при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще прїѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научился еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ разсказывалъ Тоеся.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, остановился онъ переночевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужиномъ поднесли ему нѣсколько чарокъ *наської* ⁽¹⁾, бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ: — «Пѣтъ, говорить, правды на свѣтъ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ ефтакой! а вы, и мазѣпинъ духъ....» Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и «чубы проклятые» и «обливанцы», и дѣло кончилось дракою.... Естественно, что проишествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Украиною, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, никто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось непріязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазѣпинымъ духомъ (конечно, объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а — мы цапомъ. «Цапъ, цапъ! козю, козю!» кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему въ слѣдъ клочки травы или соломы; «Цапъ!» звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; «Цапъ!» ревѣли цѣлымъ хоромъ молотники изъ клуни; «Цапъ, цапокъ!» пицала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой, — и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ оконъ, изъ дверей, изъ за уголъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся.... Бѣднякъ до того иногда раздражался, дотога выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, или же,

(1) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашъ*, вполне соответствующее русскому *нашъ*. *Наській* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностранный, нашъ, народу принадлежащій и по происхожденію, и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существительнаго (напримѣръ, когда Украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говоритъ: «та се наська!») и притомъ почти всегда съ интонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, вмѣстѣ и ласкающему и хохочущему, — ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно....

что чаще всего случалось, — такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами хохлятъ, — бросалъ шапку оземь и въ бѣшенствѣ топталъ ее ногами

. . . это былъ Рѣготивъ-хуторъ! Хаты, *хлівй, токі* ⁽¹⁾ и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстились по ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами пересѣченія прямыхъ линій подъ прямыми углами, въ формѣ шахматной доски, — ни съ условіями однообразія, — ни даже со вкусомъ протежающихъ, или съ чѣмъ бы то ни было вкусомъ: дескать, какъ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстились, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ попріютнѣе, или гдѣ попривольнѣе, гдѣ пораздольнѣе, гдѣ посподручнѣе. Оттого ложбина съ Реготовымъ-хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *півчами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ горсть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажі.... Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихой тройкой, доброму молодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поварачивая!... ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи!.. и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ!...

— А онъ, Васильку, и наші підводи! — говоритъ Кіндрать, указывая *ужаломъ* ⁽²⁾ внизъ.

»Де?»

— Та онъ же!

»А и справді!...«

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ *нашими*....

— Ище й кибітка якась стоїть тамъ! добавилъ Кіндрать.

Мы спустились внизъ и поворотили къ подводамъ.

— Добрідень, хлопці! сказалъ отецъ подводчикамъ: — добрідень!

»Добрідень и вамъ, паноче!« отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ прázникомъ будьте здорови!

»Спасібі, бўдьте й ви здорови!«

— А щó, все благополучно?

»Да слава Богу, благополучно все.«

— Слава Богу! — повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицькú, прибавилъ: — возьми-ка его отсюда.

(1) *Токі* — гýмна.

(2) *Пужално* — кнутовище.

Грицько вытащилъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальнимъ поѣздкамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно ужъ мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подивітця лишень туди!—говорить, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стоявшую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я поворотилъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ....

»Еслибъ намъ такую!»

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотреть на насъ, улыбается....

»Цапъ!...« вскрикнулъ я, совершенно забывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! »Гора зъ горою, кажутъ, не ходитця!« Велѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости рассказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ рассказовъ, вскорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушелъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесь, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попойекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человѣкомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, что называется, бражничанья, онъ, если уже былъ въ необходимости пить, напримѣръ, при встрѣчѣ съ пріятелемъ, котораго давно не видалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносимы были съ поля битвы, а онъ — какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживленіе только становился, пробуждалось только какое-то неопреодолимое желаніе забыться, закружить голову въ гло-

таніи новыхъ спиртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого — въ быстрой ѣздѣ...

Въ молодые лѣта онъ курилъ постоянно табакъ, и тогда у него водились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное — нежеланіе, чтобы сыновья переняли ⁽¹⁾ эту привычку, неприятную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ пересилилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять — *люльку!* махорка, виргинскій или какой ни пошло — подавай! и курилъ старикъ и рассказывалъ про свою молодость и про разную *давнину*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и — въ постель!

И ѣздить шибко онъ не любилъ и *нехазяїнами* называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ шибко: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или бричкѣ — маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать — »торкай, торкай!« ворчалъ онъ возницѣ, — что уже значило: гони степняковъ, сколько выскочатъ легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что »торкай!« и »люльку!« являлись у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что, въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинъ.... Особенно одна картина сильно врѣзалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гнѣдой жеребецъ усталъ... дѣло подъ вечеръ, погода *смурая*; ни жилы, ни деревца, а только равнина и равнина снѣжная.... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ жолтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томить его — сидитъ у окна, и безъ цѣли и участія глядитъ въ него, перенося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому.... И то скучно, и оттуда не ждать утѣшенія!...

Грустный тонъ, бѣдная картина! Но отчего эта бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то мгливой дали снѣжное

(1) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *курїи*.

пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники — туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* ⁽¹⁾: »Разсказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Притомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стираются, — прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмоложивать черствую ея жизнь, какъ принадобляются зимою засушенные лѣтомъ грибы» ⁽²⁾. Будемъ же прикрѣплять все, что ни попадется подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: »даже гнѣдой жеребецъ усталъ«. Вы, можетъ быть, удивились этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинійный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переезжали заднѣпровскія степи, пускались въ наѣзды на Крымцевъ и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый! Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались изъ гостей, Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ — на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба были навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манівцѣмъ*, по нетронутому снѣгу.... Почти три версты мчались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шелъ не по дорогѣ, а *манівцѣмъ*, что онъ былъ запряженъ въ *великі сани* и что на этихъ саняхъ сидѣлъ человекъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульбою.... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу — ти-

(1) Эта часть записокъ Василя Петровича не издана въ свѣтъ.

(2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василя Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

ца, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какіе когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Бѣлорозу*, но это былъ конь! Я вамъ разскажу и о немъ.

Вы, можетъ быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаютъ, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бараньскі* (баранскіе). Почему онъ такъ называется—никто не могъ мнѣ объяснить: «Бараньскі, та й годі!.. батьки й діди звали бараньскими, и ми такъ звемо». Непремѣнная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рысистость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ отцовскомъ табунѣ была одна *матка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривой). Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ, *сивозалізій*, какъ у насъ говорятъ, и другой меренъ свѣтло-сѣрой масти, именно *Бѣлорозъ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозалізога почти не помню: помню только, какъ ввалилась на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ чрезъ хуторъ линейныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высокая); Бѣлороза же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безмѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлорозъ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степь, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлорозѣ.... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!.. вотъ-вотъ нагоно, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ головой Оксентія; но Оксентій гикнетъ, Бѣлорозъ вытянетъ шею, закачается, и чрезъ нѣсколько секундъ и слѣдъ простылъ!.. опять догоню—опять исчезнетъ быстроногій... только далеко впереди слышится топотъ, да что-то бѣлое дрожить впереди, словно призракъ ночной въ сѣдомъ туманѣ....

Вернітєся, озвітєся, літа мої!...

На Бѣлорозѣ совершались иногда такіа, наприкладъ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, верстъ за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зимнюю пору, за мѣсяць или за полтора до

моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ ночевать въ гостяхъ и — послѣ ужина — домой: »торкай!...« Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлозора покажется еще громаднѣе, если, съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, выходящая въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлозору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною гибели бѣднаго Бѣлозора. Приѣхавъ домой поздно, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюлъ, какъ распорядились съ измученными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, расп्रेгши, прицѣпилъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставила бѣднаго Бѣлозора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополонку*.... Къ утру у Бѣлозора явился *паксудникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ.... Уже на что покойникъ отецъ былъ тугъ на слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложити*!... Бѣлозоръ зарыть былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху не замерзла, по ночамъ стояла сторожа: этимъ почтили память добраго животного, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по лѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степеней и вольныхъ раздоловъ

Утро ⁽¹⁾ было теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ; лошади ступали тяжело, сани скользили невесело.... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагаютъ душу къ печальному, или къ *кислону*, настроенію, какъ выражаются Поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себѣ, съживался, такъ-сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулушы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, по видимому, расположенъ былъ болтать со мною

(1) Разсказъ о приѣздѣ къ пану, у котораго купленъ лѣсъ, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ непредставляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Пегровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *паниі*, болѣе или менѣе узнаетъ, что такое городское училище....

и удовлетворять моему любопытству, и новыхъ предметовъ представлялось много. Это, напримѣръ, множество обгоняемыхъ нами подводъ, ѣдущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очерегомъ, мѣшками съ хлѣбомъ, — чьи онѣ, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что это за подводы, запряженные, не парюю воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? ⁽¹⁾ И какъ это смѣшно, и какое ярмо смѣшное!...

Вотъ такая-то перекладина впоперекъ дороги, пестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки.... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ дома — я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ.... Вотъ и площадь какая-то: евреи и евреи, а тамъ какія-то длинныя *комóры*, отецъ говорить — лавки.... «Лавки?..» охъ, когда бъ про училище забылъ!...

Вотъ снова въ какую-то улицу, — впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросать....

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади повертели круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля, — видъ за городъ....

«Вѣрно забылъ про училище!» и я сидѣлъ еще неподвижнѣе, не смѣлъ и пошевелинуться, боясь напомнить о себѣ....

На полгорѣ лошади повертели налѣво, мѣстность становилась безлюдною — съ одной стороны оврагъ, а съ другой — высокій валъ, — и только по склону послѣдняго лѣпились еще кое-гдѣ небольшіе домики.... «Се вже за городъ?» осмѣлился наконецъ я отозваться. — «Направо!» раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, своротивъ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными воротами....

Какъ мы взѣхали на маленькій дворъ, какъ остановились, вошли въ хату, — ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, когда мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная, дѣвушка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ, — Устя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстатую, ткачъ Хомѣ, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, вслѣдствіе чего верхняя ея

(1) Т. е. бовкунѣмъ.

часть напоминала нѣсколько соломенные покрышки на ульяхъ: сверху гладкія закругленные, а внизу широкія, растопыренные, — Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя — хозяйская дочка, — что она изъ сомовъ приготовитъ *юшку*, какое намѣреніе отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ, — хозяйинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ....

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое-то располагающее.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ: — А ну, говорить, Васильку, пойдемъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: инстинктъ не обманулъ меня, что училище тамъ, возлѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель? — спросилъ отецъ какого-то человѣка, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

»Здѣсь!«

— Дома онъ?

»Дома!«

Черезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но просторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то *панъ*, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ — смотритель, какъ его назвалъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правою чесалъ его спинку... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ прійдется намъ встрѣтиться.

— Чтѣ вамъ нужно? — спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ - ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: »нельзя!«

Слѣдуютъ доказательства, что — можно, но рѣчь прервана новымъ »нельзя«, еще болѣе сердитымъ.

»Авось-либо!« радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... потомъ полѣзъ въ карманъ, вытащилъ *капшукъ*, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. »Прошу«, говоритъ, »покорно!«

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чему ты учился?

Я смѣшался и началъ смотрѣть на отца.

— Кажи жъ, що ти вчивъ!

»Я училъ «О добромъ сынѣ», «Какъ Маша клала въ ротъ иглки и булавки....»

Хотѣлъ было даже рассказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Ариметикѣ и Закону Божию учился?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

»Ножемъ!« прошепталъ я едва слышимымъ голосомъ.

— Но-жеемъ!! прошепталъ и смотритель, передразнивая меня... — Дуракъ! по повелѣнію Божию, а не ножемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу: — его нельзя принять — онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбонцовъ.

— А читать ты умѣешь?

»Умѣю!«

— И церковное умѣешь?

»Умѣю!«

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ «Чтеніе изъ Евангелистовъ».

Я пречелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбонцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходитъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человекъ*.... Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!... Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики....

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человекъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломаясь, ясно показывая, чего нужно.... А что онъ любилъ чужіе карбонцы—кто же изъ насъ не любить ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой порядокъ.... Вѣдь правду я го-

ворю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Николаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, готовится себя къ послѣобѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: »Пу«, говоритъ, »вотъ ты, Васильку, и въ училищѣ!«

Воротились на квартиру

. Начали собираться къ обѣду. По просьбѣ отца, Хома принесъ *горілки*, сѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горілку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Защемо жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *плянску*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подавъ мнѣ: —Випий!

Я не зналъ, чтó дѣлать.

— Випий, випий! сѣгодня годітця тобі, сѣгодня твій день.

Я випилъ.

Отецъ снова налилъ, но ужъ полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ:—Царство жъ небесное моимъ родителямъ!.. не хотіли вони менѣ вчить—спасибі и за те!... А я хочу, щобъ ти вчився—чѣешь? хочу.... Учійся-жъ добре! добре, сину, вчився — чѣешь? щобъ потіхою бувъ матері на старість....

Я заплакалъ.

— Якъ вивчився добре и бѣду я на тімъ світі—згадай коли небудь и менѣ, нелихймъ словомъ—не ледящо, мовъ, бувъ у мене батько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачь, сину, не плачь!.. не плачь!...

Но я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простились мы съ нимъ, и выѣхалъ онъ за дворъ, а я плакалъ....

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не кідайте менѣ!...

Старикъ послышалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!..

М. Н о м и с ь.

С. П. 1838 г. 4 Декабря.